

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. А. АКАЕВ Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
- Д. АРДАКАНИ президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор
- О. Т. БОГОМОЛОВ академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Р. ГЕРРЕРО Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. С. ГУСМАН первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. ИРАВАНИ директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии
- Т. КЕНТ заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета им. Л. Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- С. М. МОХАГХЕГ АХМАДАБАДИ профессор права и исламской философии, доктор философии Тегеранского университета, глава отделения изучения ислама Академии наук Исламской Республики Иран

А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. делла САЛА	адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия)
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
ЧЖАН ДЮНЬ ЮН	заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шицзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор
Н. эль-ШЕЙХ	профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Международные Лихачевские научные чтения являются крупнейшим в мире ежегодным форумом по широкой проблематике гуманитарной сферы, актуальным проблемам современности. В этом зале сегодня присутствуют представители свыше 30 стран, крупнейшие ученые, философы, мыслители, дипломаты, государственные и общественные деятели, видные журналисты современности. Мы не являемся государственной или правительственной организацией, мы свободный Университет, и то, что здесь происходит, — это часть научной жизни.

Уважаемые коллеги, позвольте мне сказать несколько слов от имени Оргкомитета. Прежде всего хотелось бы поприветствовать вас и пожелать Чтениям успешной работы. Традиция Международных Лихачевских научных чтений берет свое начало с 1993 года, когда первым Почетным доктором нашего Университета стал академик, выдающийся исследователь российской культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев, инициировавший проведение здесь Дней науки. Конечно, 1993 год — это чрезвычайно сложное для нашей страны время, период, когда во многом царил хаос и анархия, но, тем не менее, ученые России не могли оставаться в стороне от актуальных проблем современности. Они не переставали думать о науке и ее возможностях в деле решения крупнейших современных

гуманитарных проблем, в том числе и России, находившейся тогда в трагическом положении. Мы воплотили эту идею Дмитрия Сергеевича в жизнь, ежегодно собираясь здесь и посвящая Лихачевские чтения актуальнейшим гуманитарным проблемам современности, имея в виду, что это проблемы и идеологии, и политики, и экономики, и юриспруденции, и средств массовой информации — всего того, что придает объемность понятию культуры.

После ухода Дмитрия Сергеевича Лихачева из жизни мы с Даниилом Александровичем Граниным от имени Конгресса петербургской интеллигенции, который был создан нами по инициативе академика, обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину в 2001 году с просьбой выпустить указ, увековечивающий память академика Лихачева. Я должен сказать, что Указ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» был подписан Президентом России через три дня после того, как мы с Граниным отправили свое письмо. Думаю, это удивительный факт российской истории, чтобы указ президента по поводу гуманитарной проблематики, а конкретнее — по поводу увековечения памяти ученого-гуманитария был подписан за три дня. В такой реакции президента Путина на наше обращение я вижу продолжение давней российской, советской традиции, которая для нас чрезвычайно важна, — пристальное, обостренное, взволно-

ванное духовно-нравственное внимание к гуманитарным проблемам современности. Поэтому и для Президента России, и для нас чтить память Лихачева — это значит не «хранить пепел», а поддерживать огонь знания, духовности, нравственности.

С тех пор, с момента выхода Указа Президента РФ, наш ежегодный научный форум, который раньше назывался «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов», получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений. Подчеркиваю, сегодня это крупнейшее в мире ежегодное мероприятие в научно-гуманитарной сфере. Я очень рад, что здесь присутствует большое количество наших зарубежных гостей, рад традиционному участию крупнейших российских ученых. Сегодня в этом зале около 15 выдающихся, уникальных по своему масштабу отечественных ученых, членов Российской академии наук. Я рад присутствию руководителей научно-исследовательских учреждений, профессуры, представителей вузовской общечеловечности, дипломатов, молодежи и студентов, что для нас чрезвычайно важно. В этом зале находятся лучшие студенты нашего Университета, которым предстоит в будущем принять знамя служения идеалам науки, духовности, нравственности, идеалам Дмитрия Лихачева. В связи с этим присутствие и участие студентов в Лихачевских чтениях имеют для нас принципиальный характер.

Здесь присутствуют представители практически всех континентов, кроме разве что Австралии и Океании. Для нас чрезвычайно важен этот широкий мировой контекст проведения Лихачевских чтений. Я очень рад, что к нам в этом году присоединились выдающиеся ученые из Ирана, крупные государственные деятели из Пакистана. Думаю, что представители стран, которые я не назвал, на меня не обидятся, потому что, еще раз подчеркну, сегодня здесь присутствуют представители более 30 стран практически со всех континентов.

Лихачевские чтения на сегодня являются именно такими, какими хотел бы их видеть Дмитрий Сергеевич Лихачев. Наши Чтения свободны от административных барьеров, политических влияний и веяний в худшем смысле, когда мыслителей, деятелей науки, культуры и искусства пытаются использовать в тех или иных политических интересах. Мы принципиально публикуем все доклады, которые к нам поступают, хотя зачастую они приходят от представителей стран, даже не участвующих в дипломатическом общении друг с другом. Например, в нашем сборнике есть доклады от представителей арабских стран, от представителей Ирана и Израиля, которые на дипломатическом уровне сегодня практически не ведут диалог.

Я очень рад, что здесь присутствуют представители научных, дипломатических, политических кругов тех стран, с которыми у России на данный момент напряженные отношения, — это и Соединенные Штаты Америки, это и страны Евросоюза, такие как Польша, например. Мне кажется чрезвычайно важным, что мы здесь можем вести откровенный, искренний диалог

и обсуждать острейшие проблемы мирового развития. Наверное, государственные чиновники, дипломаты могут не разговаривать друг с другом, но чрезвычайно важно, чтобы мы с вами продолжали общение, потому что, если уж мы не будем вести диалог, тогда его будут вести только пушки и танки, а мы этого допустить не можем, тем более что в последние годы ситуация в мире чрезвычайно обострилась. Для меня очень важно, что ни один из авторов 200 докладов не допустил в присланной нам работе каких-либо резких выпадов в адрес других стран. Это означает, что мы здесь реально готовы к уважительному и доброжелательному диалогу. Мы готовы все вместе стремиться сделать мир лучше, хотя не всегда и не всем это дается просто и легко. Но какой бы сложной ни была обстановка в мире, есть люди, которые готовы всегда, в самых сложных ситуациях высказывать свои убеждения честно, принципиально и доброжелательно по отношению к другим участникам.

Должен сказать, что при том, что наши Чтения проходят с 1993 года, бывали случаи, когда участники не могли прибыть в Петербург по каким-то причинам административного характера, личной занятости, того, что называется форс-мажором. Конечно, никому не запрещали участвовать, но иногда совершенно неожиданно возникали важные обязательства. В этом году впервые случилось так, что традиционный участник Лихачевских чтений не смог к нам прибыть, потому что был убит у себя на родине буквально за несколько недель до нашей встречи. Это украинский писатель Олег Бузина, который жил в Киеве. Мы не будем здесь сегодня совершать каких-либо символических политических жестов по этому поводу, но, я думаю, мы поступим правильно, если в начале Лихачевских чтений первому предоставим слово одному из представителей Украины, а мы очень дорожим нашими научными, культурными, образовательными, экономическими контактами с этой страной. И если сейчас отдельные персоны на Украине отказываются от родства с Россией, мы от этого родства не откажемся никогда.

Предоставляю слово выдающемуся украинскому ученому, историку Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Александр Сергеевич, спасибо за приглашение. Участвовать в этом форуме для меня всегда большая честь. И не потому, что я могу высказать с этой высокой трибуны свои откровения, а потому, что я слушаю здесь умных людей, вижу молодых студентов, от которых подпитываюсь энергией, и это очень дорого для меня. Тема моего доклада — «Евроинтеграционная драма Украины». Сформулирована она достаточно мягко, можно было бы и жестче — «Евроинтеграционная трагедия». Раздумывая над этой драмой, я вспоминаю наш давнишний разговор с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Считаю его своим учителем. Не знаю, считал ли он меня своим учеником, которому не читал лекции. Но мне кажется, что учителем является не тот, кто непосредственно учит, а тот, у кого учатся. А общался я с Дмитрием Сергеевичем всякий раз, как он приезжал в Киев. Так вот, в этом разговоре (а это было время распада Советского Союза) Дмитрий

Сергеевич сказал: «Ну ладно, пусть все уходит, но восточнославянские народы должны остаться вместе». Как видим, не получилось. И прежде всего потому, что строители общей Европы имели плохой проект (к тому же он был плохо исполнен).

Люди так устроены, что всегда анализируют последствия, а не причины. Последствия — это мятеж Юго-Востока Украины. Ответственной за него объявлена Россия. Она определенно имеет к нему отношение. Но ведь его причины на совести США и Европы, породивших Майдан и государственный переворот. Это они разодрали украинское единство. При этом, пытаясь вовлечь Украину в европейское сообщество, сделали две фундаментальные ошибки. Первая заключается в том, что, не желая видеть в Европе такую Украину, которая сложилась в течение веков, они решили ее изменить. В связи с этим появился тезис «новый цивилизационный выбор Украины». Я раньше думал, что это изобретение украинских этнополитологов, потом оказалось, что подобный лозунг, как сказал коллега из Болгарии, был и у них. Православная Болгария также шла в Европу за новыми цивилизационными ценностями.

Однако цивилизационная переориентация сопряжена с непредсказуемыми, часто трагическими последствиями. Мне, как историку, казалось, что такого вообще не может быть, что цивилизационный выбор был сделан святым равноапостольным князем Владимиром Святославичем, и это на тысячелетия. Но я был наивен. За 24 года украинской суверенности новым идеологам во многом удалось перекодировать общественное сознание, особенно молодежи, которая училась по новым учебникам. В результате на Украине сегодня считается нормальным утверждать, что украинцы — это исконные европейцы, не имеющие родства с русскими. С наукой это утверждение не имеет ничего общего, но наука в нынешней Украине не очень-то и нужна. Главное — патриотические убеждения.

Это трагическая ошибка, потому что она расколола Украину и территориально, и духовно. Эта трещина прошла зачастую даже по семьям. Не все могут отречься от памяти дедов и прадедов и той нашей истории, которую мы прожили. Это то, чего не учитывали и, по-моему, до сих пор не учитывают наши европейские учителя и наставники. Нельзя через колено ломать народ.

Вторая ошибка в том, что евроинтеграторы не учли особенностей формирования Украины в нынешних границах. Это не исконная территориально-этническая данность, но страна, собранная на марше. Завершающий этап проходил на глазах новой истории. Во время Великой Отечественной войны к Украине присоединили Галицию, Бессарабию, Закарпатье, а в 1954 году — Крым. При формировании Советского Союза В. Ленин «прирезал» к Украине так называемую Донецко-Криворожскую Советскую республику. Игнорирование этого обстоятельства уже привело к потерям и может привести к ним в будущем. Евроинтеграторам, отечественным и зарубежным, нельзя было вести себя на Украине, как слону в посудной лавке. Именно они породили драму Украины. Она оказалась разобщенной

и разделенной по разным направлениям. Сегодня уже и православие у нас вроде бы не такое, и желательно, чтобы оно совсем отошло от Московского патриархата. И Великая Отечественная война — уже не наша война, а война Сталина с Гитлером. Прославляются люди, мягко говоря, нерукопожатные в нормальном обществе, а героизируются и вовсе те, на совести которых много жертв среди своих соотечественников.

Создается впечатление, что это уже не та Украина, в которой мы жили до этого. Я не убежден, что Европе нужна именно такая Украина. Разумеется, в том, что последняя стремится в Европу, ничего плохого нет. Но слишком дорогую цену платит она за это. И, судя по всему, ничего оптимистичного на этом пути Украину не ожидает. Как историк знаю, что она уже была в Европе, однако под угрозой потери своей национальной и вероисповедальной идентичности была вынуждена воссоединиться с Россией. Об этом сегодня не принято вспоминать, но история имеет обыкновение повторяться. Жизнь народов длинная, и вовсе не исключено, что после евроинтеграционных метаний украинцы через какое-то время вновь вернутся в семью восточнославянской православной общности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, здесь присутствуют представители самых разных отраслей знания, но есть одна область научной деятельности, которая является базовой, фундаментальной для всех остальных, — это философия. Приглашаю на трибуну выдающегося российского философа Вячеслава Семеновича Степина.

В. С. СТЕПИН: — Лихачевские чтения стали уникальной площадкой, где, во-первых, проводится междисциплинарный анализ и, во-вторых, этот анализ всегда связан с практическими предложениями. Это в этом смысле уникальное дело. И я думаю, что вся направленность наших встреч аккумулирует главный импульс современных исканий и рассуждений о будущем человечества, цивилизации. Мы живем в переломную эпоху. Сейчас меняется тип цивилизационного развития. Тот тип, который возник примерно 400 лет назад, я называю техногенной цивилизацией, ему предшествовали традиционалистские общества с их культурами. Этот тип сейчас доминирует. В процессе модернизации все традиционалистские общества перешли на путь техногенного развития, и сейчас их практически не осталось в чистом виде. Существуют два типа техногенных обществ, которые сегодня взаимодействуют, они сформировали духовную матрицу на собственной основе, а это особая система ценностей.

Не смогу сейчас всего раскрыть, но в моих работах это есть. Отмечу самое главное, что это неординарная личность, креативная деятельность; понимание природы как поля ресурсов для деятельности и как поля, которое должно преобразовываться в деятельности; понимание рациональности как важнейшей компоненты духовной жизни, которая может организовать отношения людей, это должно быть и в праве, и в по-

литике. И высшее достижение, высшее воплощение рациональности — наука, дающая знание законов, по которым должна разворачиваться деятельность людей по преобразованию мира. Это понимание личности как суверенной, которая не изначально становится личностью благодаря связи с кастой, кланом, сословием, а самостоятельно может выбирать социальные связи, только при таком понимании возникает идея прав человека. И это понимание власти не только как власти человека над человеком, что было распространено в традиционалистских культурах, а как власти человека над объектами. И в качестве таких объектов выступают все состояния социальной жизни и социальные институты. И провозглашается тезис о контроле над объектами природы и социальной жизни.

Эти идеи развивались совершенно альтернативно, всегда имели альтернативную конкретизацию, но были тем общим, что соединяло различные духовные и политические течения — от либерально-демократических до коммунистических и марксистских. Идеи деятельности, творческой личности, научно-технического прогресса, развития экономики всеми принимались и считались общечеловеческими. Это как инвариант, и сейчас это остается. И когда мы говорим о столкновении и взаимодействии национальных интересов, то очевидно, и это общеизвестно, что за интересами стоят ценности. Структуры интересов изоморфны структуре ценностей, и там есть целая иерархия — личностные, групповые, кастовые, клановые, этнические и национальные интересы. Национальные считаются базисом. Но этот базис имеет еще более глубокую основу — это те ценности, которые определены типом цивилизационного развития. И до середины XX века все было замечательно и хорошо, все считали, что существовало направление будущего прогресса, счастливого будущего человечества. Кстати, идея коммунизма возникла именно в рамках этого понимания.

Так вот выяснилось, что именно эти ценности и установки привели человечество к глобальным проблемам, породили экологические, антропологические кризисы, создали оружие массового уничтожения, которое несет угрозу существованию самого человечества как рода. Возникла небывалая вещь, которая никогда не осознавалась, что человечество может быть смертным. Если это так, то под ценностями, которые фиксируют техногенный тип цивилизационного развития, есть еще более глубокий пласт, вот он-то и является общечеловеческим. Высшей ценностью тогда становится сохранение биосферы как среды обитания человечества. С этим надо соизмерять все, в том числе и экономику, и тогда мы сможем увидеть, какие в ней есть изъяны, проблемы и какие кризисные ситуации могут возникнуть.

Здесь я выделил две проблемы. Первая проблема — это то, что сформировалось еще в середине XX века. Американский идеолог рынка болгарского происхождения Виктор Лебов высказал очень интересную мысль, что СМИ, пропаганда, реклама, мода должны обеспечить особое состояние человеческого сознания, приучить людей портить, изнашивать и выбрасывать вещи. И чем быстрее мы будем это делать, тем лучше

для экономики, потому что это будет рождать спрос, а спрос, в свою очередь, даст виток экономическому развитию, возникнет система с обратной связью. Великий футуролог Ласло написал на эту тему в своей книге «Макросдвиг», что это путь к экологической катастрофе. Но именно спрос сейчас лежит в основе экономического развития, и об этом надо думать.

И вторая проблема — жизнь в кредит. Когда речь идет об индивидуальных, как говорится, деяниях, то это хорошо. Еще Роулс писал, что это справедливо, поскольку мы, получая кредит, можем человека из до-существования его в среднем классе сделать его членом среднего класса, и это повысит его статус. Но сейчас идея кредита стала идеей финансирования корпораций и государств, и здесь все выглядит совершенно иначе, потому что тогда нужна мировая валюта, чем является валюта одной страны — США, и тогда можно управлять финансовыми потоками и жить в долг. Если у страны 17 трлн долларов долга, считается, что это должен быть почти мусорный рейтинг, а там самый высокий рейтинг. И это тоже проблема. Это все проблемы современной рыночной экономики, от которых никак нельзя избавиться. Надо думать, какие здесь могут быть сценарии. Кстати, будущее только сценарно, его никогда жестко детерминистски не предскажешь.

И вот в основе всех этих проблем, кризисных ситуаций лежат ценности, которые подвергаются проблематизации. И создать какую-то новую структуру ценностей, выяснить, в каком направлении надо двигаться, — это глубинные смыслы, по которым может жить человечество. Когда-то в эпоху Ренессанса основы двухсот гуманистов Возрождения заложили основы той матрицы ценностей, по которым потом бурно развивалась цивилизация. Сейчас настает пора духовной деятельности. Убежден, что духовные революции всегда предшествовали политическим, и сейчас именно такое время.

Скажу полушутливую вещь, что наши Чтения, учитывая тот масштаб, который они сейчас принимают, и тенденцию их развития, возможно, и станут для будущего историка чем-то вроде тех двухсот флорентийских ученых, которые определили направление развития цивилизации. Во всяком случае, в этом направлении мы движемся в понимании того, что такое ценности культуры, как они могут программировать людей, в понимании того, что культура — это главное, что определяет и формирование *homo sapiens*, и воспитание человека, и направление его социальной жизни. Это действительно геном социальной жизни, и пока он не изменится, ничего в социальной жизни не произойдет. Поэтому все проблемы экономики, политики сводятся к проблеме ценностей.

То, что на Лихачевских чтениях обсуждается диалог культур, как соединить ценности, где найти общее, как решить проблему национальных интересов, — это оборотная сторона, мы опять приходим к идее диалога культур. И это не случайно, без этого ничего не получится, потому что, пока мы не сумеем найти некие общечеловеческие основания, с которыми сможем соизмерять все остальное, нам будет трудно договариваться, а договариваться надо обязательно. Кем-то была

выведена одна формула: если XX век был веком конфликтов и противодействий, то XXI век должен стать веком человека договаривающегося, а не конфликтующего. И если не будет человека договаривающегося, тогда не будет никаких других веков. Так вот наша задача состоит в том, чтобы облегчить процесс появления человека договаривающегося.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сегодня в нашем зале присутствуют представители шести зарубежных академий наук. И среди них есть президент Академии наук Ирана господин Ардакани, которому я хотел бы предоставить слово. Иран, конечно, — удивительная страна, которая, несмотря на все санкции (а санкции в отношении Ирана западный мир применил максимально жесткие), не потеряла свою идентичность и ценности.

Д. АРДАКАНИ: — Разрешите поприветствовать всех присутствующих на Международных Лихачевских научных чтениях, поблагодарить организаторов этого форума за возможность, которая была предоставлена мне и членам моей делегации, присутствовать здесь. Мне очень приятно находиться среди столь уважаемых и известных людей. Мы прекрасно знаем, кем был господин Лихачев — самым известным российским мыслителем. Мы очень хорошо знакомы с его трудами. Мы понимаем, что одна из задач проведения Лихачевских чтений заключается в том, чтобы найти духовные, культурные возможности для того, чтобы в определенной степени решить также и политические вопросы. Как вы знаете, политика никогда не находилась отдельно от культуры и идеологии. Если мы посмотрим на историю, то увидим, что в каждом историческом обществе, где были развиты мышление и культура, на высоком уровне находилась и политика. Это также можно увидеть и на примере нашей страны.

Думается, что очень большое преимущество проведения сегодняшней конференции заключается в том, что духовные вопросы, вопросы культуры могут тесно обсуждаться и увязываться с различными политическими аспектами. Это то, в чем, на наш взгляд, сегодня больше всего нуждаются мир и практически все мировые лидеры. Большое спасибо за то, что пригласили нас на Лихачевские чтения, что предоставили мне возможность выступить. Желаю успеха Лихачевским чтениям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Чтений поступил ряд приветствий. С вашего позволения я приведу фрагменты некоторых из них.

Госпожа И. Бокова, глава ЮНЕСКО, обращаясь к нам, пишет: «Тема Чтений “Современные глобальные вызовы и национальные интересы” имеет большое значение для ЮНЕСКО. Особенно актуальна она в настоящее время, когда обострились проблемы, накопившиеся за несколько десятилетий сложных политических и человеческих взаимоотношений».

Глава Федерации независимых профсоюзов России, председатель Попечительского совета нашего

Университета М. В. Шмаков отмечает, что «объединяя миллионы трудящихся России, Федерация независимых профсоюзов России заинтересована в мобилизации интеллектуальных ресурсов ведущих ученых, способствующих своими исследованиями осмыслению тенденций мирового развития. В условиях обострения отношений между трудом и капиталом всем здравомыслящим людям необходимо следовать принципам международной солидарности, укреплять взаимное сотрудничество и сплоченность».

Президент Российской академии наук В. Е. Фортов пишет, что за четырнадцать лет своей истории наши Чтения стали «крупнейшим по мировым стандартам форумом интеграции ученых-гуманитариев, о чем свидетельствуют проблемно-тематический масштаб докладов и дискуссий, а также высокий интеллектуальный потенциал участников и духовно-нравственный нерв обсуждаемых проблем. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес российских и зарубежных ученых, известных государственных и общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции с активной научной и гражданской позицией, объединенных пониманием глобальных вызовов современной цивилизации».

Министр труда и социальной защиты РФ М. А. Топилин утверждает, что «тематика нынешних Чтений, как всегда, актуальна, проникнута духом современности, гражданственности и социальной ответственности».

Министр культуры РФ В. Р. Мединский пишет, что за прошедшие годы этот представительный форум стал важной площадкой для дискуссий по стержневым проблемам человеческой цивилизации. Интеллектуальный фундамент, заложенный Лихачевым, имеет непреходящее значение.

Председатель Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин, приветствуя нас, отмечает, что «обретая свой уникальный опыт, нации делятся с человечеством всем лучшим, что создали на протяжении своей истории. Так формируется взаимное уважение, возникает единство непохожих, так создается мир, в котором культура и цивилизация ведут диалог, обогащая друг друга».

Поступило приветствие и от Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева: «Желаю участникам Международных Лихачевских чтений плодотворно поработать, обменяться мнениями и предложить перспективные пути укрепления гуманитарного сотрудничества, основанного на общечеловеческих ценностях и взаимном уважении».

Зачитаю небольшой фрагмент из приветствия в адрес Лихачевских чтений губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. Губернатор «рад приветствовать всех вас в Санкт-Петербурге — городе, в котором жил и трудился великий ученый, настоящий подвижник отечественной культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев». Губернатор констатирует, что «на повестку дня Чтений выносятся важные и острые темы, способствующие глубокому осмыслению наследия великого российского ученого», и желает успехов.

Таковы фрагменты из некоторых приветствий. По-благодарим их авторов и постараемся оправдать те надежды, которые на нас возлагаются.

Сейчас позвольте предоставить слово представителю МИД России Геннадию Михайловичу Гатилову.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, прежде всего хочу обратить внимание, что это уже XV Чтения, своеобразный юбилей. Министерство иностранных дел на протяжении последних лет являлось надежным, как я смею надеяться, партнером Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов по проведению этого крупного форума. Для нас участие в данном мероприятии имеет большое значение не только с точки зрения формальной поддержки Лихачевских чтений, а также того, что делают ректор Александр Сергеевич Запесоцкий, его коллеги по организации Чтений. Наряду с этим важно узнать, что думают в настоящий момент участники, зарубежные гости, какие высказываются мнения по поводу текущего момента, изменившейся в мире ситуации. И, естественно, мы, выслушивая все это, делаем свои выводы и стараемся применить высказанные соображения на практике. Причем главным сейчас является не то, в чем мы расходимся, в чем не согласны, а что нас объединяет, та общая основа, опираясь на которую, можно строить отношения и решать возникающие проблемы.

Вчера в беседе господин Моратинос высказал мысль о том, что нужны новые механизмы для того, чтобы найти оптимальные пути решения сложившихся проблем. На мой взгляд, очень правильная мысль, действительно нужны новые механизмы, и с моей точки зрения, таким механизмом должна стать единая повестка дня для всего международного сообщества. Нужно избавить международное сотрудничество от мессианства, попыток утвердить какую-то одну систему ценностей. По-моему, такой подход становится все более очевидным. Не должно быть двойных стандартов ни в проведении политики, ни в оценке социальных, культурных событий. И наша общая задача, если мы хотим выйти из того трудного положения, в котором оказались, — это уважать многообразие современного мира, развивать равноправный и взаимоуважительный диалог без попыток доказать исключительность своих взглядов другим.

А такие попытки, к сожалению, в настоящий момент предпринимаются, и все вы о них хорошо знаете. Поэтому просто нужно искать точки соприкосновения, с помощью чего мы совместными усилиями сможем противостоять угрозам и решать те проблемы, с которыми сталкиваемся.

Вроде бы, на первый взгляд, могут сказать, что сейчас таких точек нет, что все идет очень плохо, не в ту сторону, и когда наступит выход из этого тупика — сказать трудно. Но я с этим не согласен и не готов принимать такую пессимистическую точку зрения, потому что если посмотреть поглубже, то такие точки соприкосновения есть, и мы с нашими партнерами, в первую очередь с западноевропейскими и американскими, находим их и стараемся конструктивно рабо-

тать. Во всяком случае, с нашей стороны такое желание есть.

Например, проблема терроризма. Сейчас это приоритетная задача всего международного сообщества. И мы в России это хорошо осознаем, так как многократно сталкивались с этой напастью. То же самое происходит и со многими другими странами: и в Европе, и в Азии, практически во всех уголках мира. Поэтому понимание у нас есть, и мы стараемся вместе находить пути решения этой проблемы, смотреть, как мы можем противостоять этой растущей угрозе. В том числе и на площадке Организации Объединенных Наций принимаются конкретные решения, которые помогают государствам бороться с этим злом.

Есть множество других вопросов, по которым в настоящий непростой момент мы все-таки находим точки соприкосновения и возможность для диалога. Например, вместе мы договорились о том, как добиться химического разоружения Сирии, что и было успешно проведено; совместно ищем ответы на то, как бороться с гуманитарными катастрофами. Все знают о том, что происходило некоторое время назад в связи с лихорадкой Эбола в Африке, и мы вместе с нашими партнерами смогли внести серьезный вклад в борьбу с этим заболеванием.

Думаю, культура — это та сфера, которая в первую очередь призвана объединять государства, вне зависимости от того, что происходит в их межгосударственных отношениях. С чем мы сейчас сталкиваемся на Ближнем Востоке? Разрушение христианских памятников в Сирии, Ираке. На эту проблему обращают очень серьезное внимание все страны международного сообщества. И опять-таки на площадке Организации Объединенных Наций, в Совете Безопасности ООН, в ЮНЕСКО принимаются конкретные решения, которые предполагают совместные действия государств по недопущению варварского уничтожения памятников исторического наследия.

Очень остро стоит проблема защиты христиан на Ближнем Востоке. Буквально несколько месяцев назад в Женеве прошло специальное заседание, посвященное этой проблеме, которое мы инициировали совместно с Арменией и Ливаном. Ватикан активно подключился к этой тематике. То есть эта тема тоже является в какой-то степени объединяющей.

Но на фоне позитивных решений есть и проблемы, по которым мы до сих пор не можем найти точки соприкосновения. Прежде всего по целому ряду региональных конфликтов. Существует и проблема героизации нацизма, которая, казалось бы, очевидна для всех. Нельзя допустить роста героизации и глорификации этого явления. Мы регулярно поднимаем данную тему на различных площадках и будем продолжать это делать. В то же время некоторые страны считают, что это не героизация и не поощрение нацизма, а просто реализация прав отдельных групп общества на выражение своего мнения. Вряд ли такой подход можно оправдать.

Еще одна проблема — отношение к журналистам. Здесь то же самое — двойные стандарты. Одни страны критикуются за притеснение журналистов, а в дру-

гих их попросту убивают, запрещают телевизионные каналы и т. д. Такие двойные стандарты для нас неприемлемы.

Совсем недавно мы отпраздновали 70-летие Победы. Это было важнейшее событие года. Все видели, как оно проходило в Москве и других городах. Этот праздник неразрывно связан и с другим важным юбилеем — 70-летием создания Организации Объединенных Наций, который будет отмечаться через несколько месяцев. По сути, эта организация, несмотря на то что происходит сейчас в мире, в межгосударственных отношениях, является той уникальной площадкой, где мы можем работать с нашими партнерами по всем вопросам — и политическим, и гуманитарным, и социально-экономическим. В принципе это признается всеми нашими коллегами. И, конечно, мы будем продолжать выступать за то, чтобы организация оставалась тем механизмом, который помогает искать объединительную повестку дня, который, задействуя заложенные в него ресурсы, сможет и в дальнейшем с успехом использоваться для решения насущных проблем современности.

В этом плане мы опираемся также на неправительственные организации, гражданское общество, и Международные Лихачевские научные чтения — это, по сути, часть этого процесса. Надеюсь, что в ходе дискуссии мы сможем определиться, в каком направлении движемся и какими средствами и механизмами можем в дальнейшем пользоваться, для того чтобы искать и находить ответы на насущные вопросы современности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Геннадий Михайлович. Прошу на сцену выдающегося дипломата, добившегося успехов в решении многих глобальных проблем современности, господина Мигеля Моратиноса.

М. А. МОРАТИНОС: — Дорогие участники, уважаемый ректор, это не первый мой визит сюда. Могу с уверенностью сказать, что это мой Университет. Мне присвоили звание Почетного доктора, поэтому я являюсь частью вашего сообщества, мы — единая семья.

Название сегодняшних Лихачевских чтений заставляет меня вспомнить то, что мы иногда забываем. Мы живем уже в новом мире. Сейчас 2015 год, и мы празднуем День Победы, которая произошла 70 лет назад. Мы должны усвоить уроки из того, что было тогда. И первое мое соображение, что сегодня мы все-таки должны осознавать, что в 2015 году следует думать о новой войне. Она сложная, непонятная и глобальная. Усложняет эту войну концепция ее ведения. Философы говорят, что если мы хотим решить проблему, то должны рассматривать ее холистически, то есть в общем и целом, со всеми аспектами. Мы не можем решить проблему, только разделив ее на различные аспекты, например экономические и культурные. Мы должны понимать глобальность и взаимосвязь всех этих факторов, учитывая всю сложность проблемы целиком.

Второе соображение — это то, что новая война неопределенная, неясная. Мы все хотим быть защищенными, жить в более безопасном обществе, чувствовать безопасность, но в то же время мы ощущаем, что опасность возрастает. А когда мы чувствуем себя в опасности, начинаем бояться, и это чувство страха, конечно, от неопределенности. Мы не знаем, что может произойти здесь или там, включая и природные катастрофы. Таким образом, если мы хотим предотвратить эти факторы войны, то, конечно, должны придать новый импульс процессу безопасности. Но мы не можем на 100 % защитить наши интересы в будущем.

И третье соображение заключается в том, что мы живем в глобальном мире, который взаимосвязан. О том, что происходит, например, здесь, в Латинской Америке, Азии, Африке, Европе, мы узнаем сразу же, через мгновение. Это новый мир. Каким образом мы собираемся отвечать на эти вызовы? Как будем справляться с нашей национальной ответственностью? Как найдем коллективную, международную платформу? Каким образом дипломатия и политика будут соответствовать новому веку? Необходимо найти ответы на эти вопросы. История дипломатии говорит о том, что тысячу лет назад, когда было образовано древнейшее государство Сирия, возникли основные принципы дипломатического поведения. Они развивались и постепенно привели к двусторонним переговорам, двусторонним решениям. Но сейчас эта система гораздо более сложная, и мы имеем уже целые альянсы, союзы государств.

Уже после Первой мировой войны появилось осознание, что не должно быть соглашений между двумя агентами, необходимо создать всеобщую систему. После Второй мировой войны мы окончательно утвердились во мнении, что люди, нации должны работать вместе, и в Сан-Франциско приняли это решение. А сегодня мы обнаружили, что разделены. Но надо понимать, что мы часть системы коллективной безопасности и вместе мы сможем быть гораздо более сильными. Поэтому и возникают локальные союзы — Европа против России, Китай против США. Опять мы возвращаемся к двуполярным переговорам, двуполярным войнам. Мы должны обратить внимание на систему всеобщей безопасности. Это наш вызов, международная общественность должна работать над системой коллективной безопасности, и тогда мы сможем понять друг друга на новом уровне. Это жизненно необходимо, если мы хотим продвинуться вперед в нашем коллективном поиске путей построения Большой Европы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, друзья, участники XV Лихачевских чтений, студенты, прежде всего позвольте передать привет от Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, от Президиума Российской академии наук и Президиума Уральского отделения РАН.

Мне кажется, тематика этих Чтений очень подходит к облику и масштабу личности Дмитрия Сергеевича Лихачева, и к нему, как ни к кому, приложимы слова Льва Николаевича Толстого, который писал: «Оценивая жизнь великих людей, нужно всегда указывать только дату рождения, потому что они уходят от нас не в прошлое, а в будущее и уходят лишь только для того, чтобы остаться навсегда». Уважаемые коллеги, проблемы глобализма ведут отсчет в мировой литературе обычно с 1971–1972 годов, когда эти вопросы впервые поставили участники так называемого Римского клуба. Ученые Европы — политологи, философы, медики, биологи, демографы — собрались в Риме и заговорили о том, что мир действительно входит в стадию техносферы, о которой предупреждали предшественники, и в том числе Владимир Иванович Вернадский, наш выдающийся ученый и академик. И надо предпринимать какие-то меры, чтобы бороться с проблемами питания, рождаемости, перенаселения, качества воды, экологии, изменения климата и, конечно, войны. Одна из самых глобальных — проблема войны и мира. Как сохранить мир и сделать так, чтобы не возникали войны?

Обо всем этом рассуждали и высчитывали коэффициент качества жизни — пытались что-то умножить на зарплату, разделить на средний класс и так далее, — все закончилось ничем. Ничего не надо умножать. Существует один признак качества жизни — ее продолжительность — и все. Понятно, если продолжительность жизни составляет 75 или 84 года. А если я скажу: 42 года, то вы у меня спросите: неужели в наше время такое бывает? Да. Вся Центральная Африка имеет такую среднюю продолжительность жизни. То, что у нас было в начале XIX века. В основном губят население инфекционные заболевания и аллергия. То есть в глобальном развитии все имеет свои закономерности и свое развитие.

Предшественником глобализма, как многие считают, является Владимир Иванович Вернадский. Мощнейшая фигура, выдающийся ученый, Леонардо да Винчи XIX и XX веков. Он родился в последней трети XIX века, умер 6 января 1945 года. Прожил 82 года. Он первым стал использовать глобальный подход. В 1915 году, накануне революции, создал СОПС — Совет по изучению производительных сил. Из СОПСа выросли 20 научно-исследовательских институтов. Вернадский возглавил Институт радия и спрогнозировал развитие атомной отрасли в нашей стране. Весь атомный проект — это Вернадский, Ферсман, Курчатов, Флеров и другие, уже хорошо известные ученые. Владимир Иванович очень много внимания уделял образованию и науке, понимая, что одного без другого не бывает. Как говорил Пирогов, образование, конечно, светит и освещает и маяк хороший, а наука еще и греет. Поэтому надо, чтобы в наших учебных заведениях было светло и тепло. И хорошо, чтобы это было в равных дозах. А если науки больше — совсем хорошо, потому что тогда и воспитывается настоящий специалист, профессионал.

Владимир Иванович Вернадский в 1941 году предсказал даже год наступления Победы. Он сказал: по-

терпим 3,5 или 4,5 года, и все нормализуется. Так писал ученый, когда в декабре 1941 года немцы были под Москвой и шли на Ленинград. Именно в это время в Свердловске, где находился эвакуированный Президиум Академии наук СССР, Вернадский внес предложение немедленно создать в Президиуме, наряду с другими, комиссию по восстановлению разрушенного хозяйства. Он попросил академика Александра Александровича Сковородина возглавить эту комиссию. Казалось бы, развал полный, а тут комиссии... Вот что значит прогноз, вот что значит настоящий гений, который верит в силу своего народа и понимает законы глобального исторического развития. К сожалению, он умер не дожив пять месяцев до Победы. А сегодня День Победы 9 Мая посмотрите, во что превратился. Можно проследить динамику развития этого праздника. После торжественного парада 24 июня 1945 года у нас в стране День Победы не отмечался 20 лет. Были скромные торжества, никаких парадов, никаких указов, что это государственный праздник, и т. д. Только в 1965 году впервые после июньского парада 1945-го по-настоящему отметили День Победы. Вышел указ, что это праздничный день и т. д.

Посмотрите, какая диалектика: праздник постепенно набрал силы, окреп и в последние 20 лет превратился в главное торжество, в опорную точку России. Это сегодня понимаем и мы, это понимают и те, кто старается стереть этот праздник, эти события из мировой памяти; они понимают, что День Победы сам стал мощнейшим оружием. И хотя, конечно, о Великой Отечественной войне, о Второй мировой войне написано много книг, но главная еще впереди. Еще даже не все архивы открыты. Вот сейчас, спустя 70 лет, архивы открыли, и мы узнали, что, оказывается, Красная армия принимала участие и в иранских событиях 1941 года. А сколько еще мы узнаем? Не все сразу можно выдавать, надо постепенно. Но мы уже знаем, что и дипломатия, и ученые вели активную работу, чтобы отодвинуть врага от границ Советского Союза, чтобы не дать начаться войне — в целом страна была еще не готова. И поэтому главная книга еще впереди, но исторические параллели провести можно.

Ведь и главная книга об Отечественной войне 1812 года вышла через 60–70 лет после ее окончания. Лев Николаевич Толстой не участвовал в ней, он родился в 1828 году, более чем через 20 лет после войны. Но он участвовал в Крымской войне, изучил массу документов, провел огромное научно-исследовательское изыскание и создал свой шедевр — исторический роман, грандиозную эпопею «Война и мир». За него писатель сразу был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук и пять раз (кстати, мало кто об этом знает) с 1902 по 1906 год выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, а в 1909-м — еще и на Нобелевскую премию мира. Но каждый раз Толстой писал в комитет: «Прошу снять с номинации мою фамилию, потому что, если премию присудят, — неудобно отказываться, а премия, кроме того, — это еще и деньги. А я считаю, что деньги — это то, что приносит самое большое зло». Вот так Россия лишилась еще одного нобелевского лауреата. Почитайте по-

следние опубликованные письма Льва Николаевича Толстого и узнаете, какую переписку вел наш литературный гений.

Я считаю, когда главная книга о Великой Отечественной войне будет написана (а это обязательно произойдет), то, конечно, большой раздел будет посвящен науке, которая в годы войны проявила себя очень достойно. Приведу в пример медицинскую науку. Наша медицина в годы войны восстановила 72 % раненых, поэтому и говорили, что войну выиграли раненые. По четыре-пять раз люди возвращались в строй, 91 % больных тоже был возвращен в строй. Ни одна из воевавших стран таких показателей не имела. Даже Германия с ее дисциплиной и всем остальным вернула в строй всего 60 % раненых. Я уже не говорю о других странах. Так было, и наша страна щедро одаривала, награждала ученых. В 1943 году, в самый разгар войны, еще до Курской битвы была создана Академия педагогических наук, через год — 30 июня 1944-го — Академия медицинских наук. Вот что такое отношение к науке и отдача науки.

Но прошли годы, и сегодня наука погрязла в реформах. Два года ведутся реформы, и главную проблему мы обозначаем как реформу управления наукой. Вот что надо делать в первую очередь, потому что система управления не работает. Ее надо менять, безусловно. Но опыт реформирования Академии наук подтверждает, что нельзя рубить сплеча, одним указом или законом ничего нельзя сделать. Можно только постепенно, масштабно моделируя, создавая пилотные проекты и набирая положительный опыт. Потому что мы видим, что на развалинах первым вырастает чертополох, а до культурных растений дело может вообще не дойти. Поэтому надо возрождать систему воспитания руководящих кадров, которую мы утратили. В этом деле мы либо лежим, либо бежим, то на боку, то на скаку, а ритма, золотой середины, системы нет. А надо делать, возрождать, менять и поднимать на более высокий уровень, учитывая, что большинство россиян не падки до власти. И в этом трагедия не только их самих, но и власти, а значит, и конкретного дела, и России в целом. Мы понимаем, что каждый талант, в том числе и талант руководителя, надо лелеять, вырастить, ухаживать за ним, доверять и проверять, чтобы бездарность случайно не оказалась наверху. Кроме того, мы прекрасно понимаем, что, как и всякий талант, талант руководителя легко раним и беззащитен. Следовательно, чтобы этот талант уберечь, надо обладать выдержкой, мужеством, спокойствием и уравновешенностью космонавта или сапера, а не горячностью влюбленного в свое детище гения-реформатора. Если мы этого не поймем, то останемся на обочине исторического процесса с вынужденным приглашением на руководящие должности иностранных специалистов.

Вот на что еще хотелось бы обратить внимание. Мы должны понимать: чем большую силу и уверенность набирает наш реальный и прагматичный мир, чем больше мы можем просчитать, измерить, вычислить, обсчитать в семейных, государственных, научных, учебных, любых других отношениях, тем яснее и очевиднее становится каждому из нас значение в жизни

того, что нельзя посчитать и измерить, но без чего нет ни человека, ни государства, ни семьи, ни творчества, ни судьбы. А здесь уже речь идет (о чем говорили сегодня) о высоких нравственных, духовных началах, о патриотизме. И удивительная вещь, которая сейчас интересует специалистов: более 30 государств участвовали во Второй мировой войне, а самые яркие, душевные, трогательные песни о войне где? В Советском Союзе. Не в Италии — на родине оперы, не во Франции. Это говорит о том, что война была народной, война была священная. И все идущее от сердца, характеризовало тех, кто в основном в этом участвовал, кто отстаивал, кто принес победу и кто больше всего понес потерь. И, конечно, все эти душевные песни — «Темная ночь», «На позицию девушка...», «Вернулся я на родину», «Катюша» — можно перечислять очень долго. Они лучше любых бравадных маршей поднимали бойцов в атаку, приближая победу.

Лето 1945 года было связано не только с запомнившимся Парадом Победы, но и с торжествами, посвященными 220-летию Академии наук СССР. Отметили грандиозно: в Ленинграде в течение двух недель проходила конференция, которая завершилась в Москве. В ней участвовали 123 ученых из 19 стран мира во главе с нобелевским лауреатом Марией Складовской-Кюри из Франции. И на заключительном заседании в Большом театре нобелевский лауреат, выдающийся химик из Америки Ирвин Ленгмюр произнес: «Грандиозна, величественна та страна, которая имеет такую науку». К этому можно добавить слова Петра I, которые он произнес, подписывая Указ о создании Санкт-Петербургской академии наук и художеств 8 февраля 1724 года. Обращаясь к Правительствующему Сенату — а мы-то сегодня понимаем, что обращался он прежде всего к нам, его потомкам, — он произнес: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, и при жизни нашей, пристыдят все просвещенные народы своими успехами в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы». Летом 1945-го это время пришло.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте пригласить на трибуну Международных Лихачевских чтений видного государственного деятеля Пакистана господина Азиза.

Ш. АЗИЗ: — Итак, мы сегодня обсуждаем вызовы современности, и я перечислю некоторые из них. Первый вызов, который стоит перед человечеством, — это распространение экстремизма и терроризма, что так или иначе оказывает воздействие на жизнь всех людей. И я думаю, что мир пока еще до конца не понял, почему это происходит, каковы корневые причины роста этого явления. По моему мнению, мы пропустили один из таких ключевых факторов — это обеднение, лишение групп населения чего-либо. Это может быть недостаточный уровень заработной платы, возможностей выражать свои взгляды или же просто свобод. И когда люди оказываются в такой ситуации, когда их лишают чего-то, они больше подвержены тому, чтобы перейти к экстремальным действиям. У нас сейчас

происходит целый ряд событий, которые так или иначе связаны с иррациональным поведением, терроризмом. Все эти проявления нужно внимательно изучить. И я вижу по крайней мере одну из причин, которая стоит за этими явлениями, — это депривация, вызванная лишением этих людей возможности удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей. И это не вопрос безопасности, а вопрос о том, как справиться с лишениями, в которых живут эти люди, как исправить ситуацию, чтобы устранить эту причину и тем самым не допустить проявлений экстремизма и терроризма. Это так или иначе влияет на всех нас. И многие из нас были в той или иной степени жертвами проявлений экстремизма.

Второй вызов — это дефицит, который распространен в мире. Мы говорим о финансовом дефиците, о других видах дефицита, а я вижу дефицит лидерства — тоже важный фактор. У нас много политиков, но очень мало лидеров. Хороший лидер способен вести за собой, может отвечать на вызовы современности, пусть даже за определенную политическую цену, которую он вынужден заплатить. Лидерство — это то, что нам нужно, чтобы справиться с проблемами. Этим качеством обладают, например, канцлер Шредер и другие политики; некоторые из них, даже потерпев поражение на выборах, тем не менее отстаивают свою точку зрения. Есть много примеров, когда люди все-таки проявляют свои лидерские качества, принимают правильные решения, тогда возможна правильная политика. То есть лидерство очень важно, и его дефицит мы наблюдаем. Политика не делает человека лидером автоматически, он должен быть таким изначально.

Третий вызов — это статус и текущее состояние глобальной экономики. Мы видим рост, развитие, но, тем не менее, пропасть между бедными и богатыми нациями увеличивается. И мы должны как-то сбалансировать этот рост и развитие, чтобы бедные не становились еще беднее, а богатые — еще богаче. Нам нужно, чтобы весь мир развивался в определенном балансе, и тогда мы сможем успешно справиться с глобальными проблемами. Конечно же, для того чтобы улучшить экономику даже в одной стране, нужны реформы. А это часто означает дополнительную боль, дополнительные усилия или какие-то недовольства. Тем не менее мы должны достичь общего согласия и в стране, нуждающейся в этом, преодолеть нежелание провести реформы, которые позволят экономике развиваться более успешно.

Четвертый вызов, который уже упоминался здесь другими докладчиками, связан с новым мировым порядком. Мы видим некоторые элементы этого нового порядка — это появление новых стран в глобальном плане, рост влияния некоторых стран. Китай, например, стал очень сильным игроком. Сегодня Соединенные Штаты Америки, Россия, Китай и Европа — самые сильные игроки. Кроме этого, развивающиеся, вновь возникшие страны формируют различные блоки, участвуют в них. Такое разнообразие само по себе неплохо, но необходимо, чтобы происходил обмен, признавались интересы друг друга, проблемы решались совместно, а не по отдельности. Нужна го-

товность выслушать других людей. Никто не имеет монополии на мудрость, мы все так или иначе соображаем, но нужно объединить наши усилия, чтобы лучше понимать друг друга и адаптироваться к новой жизни.

Пятый вызов — это состояние окружающей среды, климата. Мы недостаточно делаем для того, чтобы справиться с загрязнением окружающей среды, глобальным потеплением. Так или иначе, но это все больше будет влиять на нашу жизнь, тем более на жизнь поколений, которые придут за нами. Мы должны объединить усилия в решении этой проблемы.

Последний, шестой, вызов, который я бы хотел назвать, — это человеческое, гуманитарное развитие. Оно включает также здравоохранение, образование, вопросы, касающиеся старения населения и поддержки пожилых людей; вопросы материнства и детства — в каких условиях рождаются дети, какую о них проявляют заботу. Конечно, все это требует инвестиций, но это инвестиции в будущее поколения. Это тоже вызов, поскольку в ответ на эти инвестиции мы получим будущее, в котором будет жить новое здоровое поколение. Эта деятельность необходима, потому что, если у нас будет здоровое население, мы сможем более успешно справиться с другими проблемами.

Хочу завершить свое выступление мыслью о том, что пришло время объединить усилия всех лидеров, всех политиков, только таким образом мы сможем найти решения этих вызовов и проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я сейчас позволю себе небольшое отступление от формального ведения Чтений. Дело в том, что все наши гости — люди очень яркие, интересные, совершавшие в своей жизни какие-то необычные поступки. И я хочу рассказать об одном очень необычном поступке следующего нашего докладчика. Этот человек в 1980 году был юным, но очень сильным спортсменом. Он был членом национальной олимпийской сборной Великобритании по гребле, выполнял функции рулевого. В 1980 году страны Запада приняли решение бойкотировать московскую Олимпиаду. И премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер — очень влиятельный в своей стране политик — тогда не рекомендовала британским спортсменам ехать в Москву. А этот человек убедил свою команду поехать. И она не просто выступила, а заняла 2-е место и получила серебряные медали Московской Олимпиады. Время прошло, и Маргарет Тэтчер не только признала правоту этого человека, но и помогла ему по достоинству занять высокие места в политической структуре Великобритании.

Конечно, мне как хозяину сегодняшней встречи хотелось бы сказать, что этот человек — друг России. Не знаю, но это на самом деле и не важно. В первую очередь он гражданин и друг своей страны, что важнее. И что еще очень важно — это человек, для которого диалог культур является принципом его жизни. И этому человеку, делом доказавшему приверженность диалогу культур, я сейчас хочу предоставить слово. Лорд Колин Мойнихен, прошу Вас.

К. МОЙНИХЕН: — Прежде всего я хотел бы поблагодарить Александра Сергеевича, ректора этого Университета, за то, что меня пригласили участвовать в Лихачевских чтениях. Академик Лихачев, конечно, известен своими исследованиями в российской культуре, он жил в Санкт-Петербурге и был своего рода хранителем национальной культуры, человеком, обеспечивающим сохранение наследия. Учитывая цель сегодняшней конференции, хочется вспомнить, как один из участников форума в прошлом году сказал, что если человек не знает истории своих предков, у него нет духовного дома, куда он может прийти. Поскольку все это определяет наше сегодняшнее и завтрашнее существование, нашу жизнь, нам нужно черпать уроки из истории. И никто не может приехать в такой город, как Санкт-Петербург, не вспомнив так или иначе его наследие, культуру.

Несмотря на все сложности, существующие в современном мире, которые касаются, скажем, выброса метана в атмосферу, других проблем, мы должны объединять усилия для того, чтобы разработка новых месторождений, новых ресурсов проводилась безопасным образом. Этого легче добиться, если мы будем заодно. Мы должны признать, что арктическая территория, по крайней мере на 50 % и даже больше, — это все-таки российская акватория, и поэтому, конечно же, Россия должна играть ключевую роль в освоении Арктики. Нам надо понять это и объединить усилия, чтобы помочь вашей стране. Прежде всего я имею в виду ученых, которые могут внести значительный вклад в освоение Арктики. России даже с ее огромным потенциалом трудно делать это в одиночку. Нужно найти баланс между интересами экономики и интересами защиты природы. Это будет легче сделать, если мы объединим усилия в рамках Арктического совета с другими странами, соседями региона Арктики, включая Великобританию, где мы стараемся укрепить уже существующие связи и понять, как их можно было бы развивать в дальнейшем. Я хочу подчеркнуть, что, несмотря ни на что, связи существуют.

Академик Лихачев подчеркивал важность диалога между разными странами, что позволяет также прояснить наше понимание. Холодная война была трудным периодом, но мы смогли выйти из него. Окончание холодной войны было полезно для всех сторон. Тем не менее остаются некоторые трудности. Это проблемы суверенитета, исторического подтверждения и юридического закрепления определенных границ и территорий, которые еще являются спорными. Также очень важна так называемая «мягкая власть», которая приобретает все большее значение. Это деятельность различных социальных групп, движений, средств массовой информации. Мы считаем, что все это поможет нам правильно понять Россию, а России — правильно понять Запад. Как здесь было сказано, нам нужны новые механизмы.

Я приехал сюда после парламентских выборов, возможно, вы о них слышали. У нас есть определенные опасения в отношении экономического развития Великобритании, но, тем не менее, мы знаем о сложностях, которые существуют и в других странах, на

пример кризис на Украине, другие проблемы. У нас тоже есть подобная проблема — это Шотландия, которая хочет отделиться, и мы пытаемся это преодолеть. Но, тем не менее, победа Консервативной партии Великобритании основывалась не на радикализме, усилении роли этой партии, мы просто дали ей еще один шанс для выстраивания более правильного курса дальнейшего продвижения нашей экономики, управления страной на принципах уважения и справедливости. Диалог — это очень важный механизм, особенно когда мы видим определенные различия. Начиная диалог, мы стараемся прояснить ситуацию. Есть еще ряд проблем, по которым некоторые страны не могут прийти к согласию. Но хорошо, что есть люди, которые, несмотря на это, прилагают усилия для выстраивания диалога. У нас, как вы помните, два уха и один язык, один рот, поэтому мы всегда должны быть готовы слушать больше, чем говорить. Думаю, это позволит нам преодолеть разногласия, недопонимание. Мы должны ориентироваться на поиск сотрудничества, а не подчеркивать различия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте предоставить слово выдающемуся российскому экономисту и организатору науки академику Александру Дмитриевичу Некипелову.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, студенты, для меня большая честь принимать участие в Лихачевских чтениях. Я это делаю не в первый раз и всегда с огромным удовольствием. Мне хотелось бы взглянуть на проблему, которая вынесена в название этого форума, с позиции экономиста. Мы все хорошо помним, когда в Советском Союзе началась перестройка, стало ясно, что в дальнейшем наша страна присоединится к числу стран, экономика которых будет функционировать, и уже тогда начинала функционировать, на основе рыночных принципов. Серьезные изменения происходили в политической сфере, в направлении демократизации общественной жизни. И тогда у многих из нас стало возникать ощущение, что весь мир, и мы в том числе, переходит в некое принципиально новое состояние. Противостояние двух систем завершено, вся мировая экономика так или иначе, с известными региональными особенностями основана на действиях рыночного механизма, в политической сфере тоже идет определенный конвергентный процесс. И были такие, как сейчас представляется, немного наивные суждения о том, что мы вступили в период достаточно легкого развития без всяких препятствий и обречены на то, чтобы двигаться от хорошего к лучшему.

К сожалению, мы видим, и это очень отчетливо звучит на нашем сегодняшнем форуме, что жизнь пошла существенно более сложным путем. Это касается и экономической, и политической, и в чем-то даже культурной сферы. На поверхности появились силы, существование которых в те времена трудно было себе даже представить. Это касается и внутригосударственных вопросов, и проблем на международной арене. И стало ясно, что проблема национальных интересов

опять вышла на передний план, как и геополитические проблемы. Когда я сказал о том, что мне было бы интересно взглянуть на это с позиции экономиста, то я имел в виду те многолетние, даже многодесятилетние дискуссии, которые ведутся в экономической науке, экономической теории по сути и проблемам динамики экономических интересов. Мы очень часто оперируем этими терминами и, разумеется, будем оперировать ими и дальше, но при этом мы не всегда можем четко определить конкретное содержание понятия интереса, что за этим стоит.

В экономической науке этому вопросу уделялось и уделяется очень большое внимание, ведутся непрекращающиеся дискуссии. Концепции, более или менее удовлетворяющие всех, существуют и в отношении индивидуальных интересов и индивидуального выбора. И бесконечные дискуссии, которые определяются сложностью самой проблемы, касаются групповых интересов. А наше общество — и глобальное, и мегаобщество, и общество отдельных стран — состоит из огромного количества групп, и поэтому принятие групповых решений невозможно без понимания того, как и на основе чего это делается, без этого очень сложно разобраться в происходящих событиях.

Раньше существовали два направления в трактовке групповых социальных интересов. Одно пыталось спроецировать тот подход, который сформировался в отношении индивидуальных интересов, а именно представить дело таким образом, что группа, так же как отдельный человек, в состоянии ранжировать, выстраивать по степени важности различные общественные состояния. Но затем, в конце 1950-х годов, почти как гром среди ясного неба, прозвучала теорема выдающегося американского ученого, нобелевского лауреата Кеннета Эрроу о возможности, иногда ее еще называют теоремой о невозможности. Она показала, что переход членов группы от индивидуальных к групповым предпочтениям возможен только в том случае и с таким условием, если в группе есть диктатор. В другом случае невозможно перейти к консистентной системе групповых предпочтений. Другой подход заключается в попытке рассматривать проблему общественного выбора не в терминах групповых предпочтений по аналогии с индивидуальными предпочтениями, а в терминах согласования интересов, то есть вместо возможности ранжирования важности различных состояний нахождение некой точки согласования интересов.

И вот в экономической теории, а точнее в теории рыночной экономики, общее равновесие является в некотором смысле идеалом. И действительно, рыночный механизм — мощнейший механизм социального выбора, но существует большая проблема, которая тоже хорошо осознается в экономической теории. Она заключается в том, что рынок, к сожалению, не в состоянии уловить весь комплекс индивидуальных предпочтений, а улавливает только то, что характеризует каждого из нас, пользуясь словами Адама Смита, как «экономических людей». Но как бы то ни было, в этой области ситуация оказывается очень подвижной. И даже если можно, опираясь на некоторые допущения, представить себе некий аналог общественного равновесия

на рынке, подобного рода равновесие в более широкой сфере, то и тогда оказывается, что мы попадаем в некую систему круговых тавтологических рассуждений, когда для того, чтобы определить состояние согласованности интересов, вначале надо согласовать правила, по которым мы это будем делать.

Эта известная логическая тавтология, так сказать, отмечалась многими исследователями, но при этом представляется, что на самом деле тавтологичность является не свидетельством некоего провала в нашем мышлении, а отражением реальной ситуации в этой области. В самом деле, во многих случаях с чего начинается создание тех или иных формальных групп? С принятия неких уставных документов, то есть первоначально принимается решение о том, каким образом в дальнейшем будут приниматься решения. Я говорю о том, что сегодня мы — я имею в виду нашу планету, — видимо, находимся в такой ситуации, когда многие из действовавших, и в общем достаточно надежно, правил взаимоотношений поставлены под сомнение, а новые, к сожалению, не сформированы до конца. И эта ситуация сопряжена с серьезными рисками. И надо понимать эти риски, с которыми мы все сталкиваемся, и нашу ответственность, и то, что задача состоит в том, чтобы мы совместными усилиями какие-то из этих принципов возродили, новые сформировали, а главное — в дальнейшем их соблюдали.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, разрешите предоставить слово известнейшему польскому экономисту Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Я бы хотел сказать несколько слов касательно мировой экономики, потому что вопросов очень много. Некоторые докладчики говорили о вызовах, проблемах, с которыми ведется борьба в современном мире и продолжится в будущем. Я написал книгу под названием «Куда идет мир: политическая экономия будущего», в которой говорится о том, что нет хорошего будущего для нашего мира в рамках неолиберального капитализма, но также его нет и в рамках государственного капитализма. Мы в нашей части мира — в государствах бывшего Советского Союза, в Центральной, Восточной Европе, в частности в Польше, — уже поняли, что надо решать экономические проблемы на основе рыночной экономики. Сейчас разразился кризис мировой экономики. Можно сказать, что это кризис рыночной экономики, потому что мировая экономика является рыночной. Но кризис американский — это кризис неолиберального капитализма, а, например, кризис, который продолжается в таких странах, как Венесуэла, или на юге Украины, — это, конечно, кризис государственного капитализма.

Заглядывая в будущее, считаю, что у нас только один путь — это то, что я называю в своих книгах новым прагматизмом. Новый прагматизм — это теоретическая концепция и пропозиция экономической политики, политики экономического роста и развития, можно сказать, эклектическая, которая на основе социальной рыночной экономики говорит о балансах

современности. Это не только экономический баланс производства, продаж, инвестиций, экспорта, импорта, бюджетных колебаний и тому подобного, но также и баланс в социальном смысле, инклюзивная экономика. С этой точки зрения раздел доходов — это очень большая проблема. Конечно, России будет трудно добиться успехов, если не будет решен вопрос о неравномерности доходов. То же самое можно сказать о Китае, Соединенных Штатах Америки, где коэффициент Джини больше 40 — это очень большой вызов для социально-экономической политики, это просто уже небезопасно. Есть еще третий баланс — экологический — между нами и природой. И только в рамках подхода к этому колебанию, балансу с этих трех точек зрения, можно подумать и сделать что-нибудь хорошее для будущего.

Но сейчас в мировой экономике самая большая проблема и с политической, и с институциональной точки зрения — как использовать стратегию развития и координацию экономической политики в мире. Существует G20, в которой принимает участие Россия, точнее это G43, потому что там, помимо 28 стран Европейского Союза, участвуют еще 15 стран. Можно сказать, что эти страны составляют 80 % производства мировой экономики и там проживают 80 % населения Земли. В этой группе ведется координация по вопросам безопасности, окружающей среды, экономического роста, передела капитала, миграции людей, создается механизм разрешения экономических процессов.

Самый большой вызов сегодня — как использовать координацию экономической политики в мире, потому что глобализация неизбежна. Она уже есть и будет продолжаться. И сейчас вопрос в том, как использовать этот новый прагматизм в координации мировых и других процессов. Есть предложение делать это в рамках нового прагматизма, а не в рамках неолиберального или государственного капитализма. Государственный капитализм существует, и не только на Украине или в Венесуэле, но и в Саудовской Аравии и здесь, в России. И надо уходить от такой экономической системы, экономической политики в направлении нового прагматизма, потому что на этой основе можно разрешить и существующие проблемы, и те, которые могут возникнуть в будущем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому правоведа профессору Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Глубокоуважаемые коллеги! Мне очень приятно присутствовать здесь и затронуть несколько вопросов, связанных с правом. Тема нашего форума касается национально- и глобального. Право изначально возникло и развивалось как сугубо национальное явление. Только на определенном этапе, когда появились равные государства, сформировался принцип “*Par in parem non habet imperium*” («Равный над равным не имеет власти»). Тогда и возникает международное право, начинаются процессы, выходящие за рамки национально-

го. И соответственно возникает вопрос: как сбалансировать национальный интерес, выраженный в праве, с теми международными тенденциями, которые существуют?

И вот создается международное право. Каким оно было сначала? Наиболее яркий источник, который говорит об этом, — это великий труд Гуго Гроция «Право войны и мира». То есть изначально возникает право войны. Оно создает свои институты, например, *jus ad bellum* — право на войну, или *casus belli*, то есть повод для начала войны. Закладываются идеи ведения войны. В идеале это идеи рыцарской войны, которые, правда, не всегда соблюдались. С точки зрения глобальных процессов практически это было европейское право, действовавшее между европейскими государствами, оно совершенно не принимало в расчет другие территории, на которых велись войны. Это продолжалось достаточно долго, но привело к кризису. В эпоху «Война и мир» Л. Н. Толстой через 60 лет после вторжения Наполеона в Россию пишет: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Следовательно, развитие и построение международных отношений на основе силы начинали рушиться, и практически то право войны, которое существовало на протяжении нескольких столетий, перестает восприниматься как явление естественное, требующее лишь правовой регламентации. Идеи возможности обеспечения государством своих интересов рухнули полностью в ходе Первой и Второй мировых войн — их нельзя назвать рыцарскими войнами. Это были трагедии, преступления.

Итоги двух войн заставили человечество развивать созидательную сторону международного права — право мира, права международных договоров, их добросовестного соблюдения — “*Pacta sunt servanda*” («Договоры должны соблюдаться»). То есть закладывалась идея добросовестности тех обязательств, которые берут на себя государства. Достаточно ли было этого тогда, когда Большая Европа, включая СССР, вместе с молодой страной — Соединенными Штатами Америки — закладывали новый правопорядок на международной арене? Тогда да! Этот правопорядок формировался в сложившемся цивилизационном центре, способном его обеспечить. Принимал ли активное участие в этом процессе остальной мир? Наверное, нет. Сейчас мы говорим о серьезном кризисе международных отношений, а соответственно и о кризисе международного права. Что делать дальше? У нас было право войны, существовало право мира. Каким будет новое право? Что будет его цивилизационной основой?

Правовая карта мира меняется. Если во всех приведенных примерах мы говорили о Европе и родственной ей цивилизации — североамериканской, которые формировали правопорядок, то в настоящее время карта полностью изменилась. Мы чаще говорим о Китае и Индии как о колоссальных рынках, меньше об арабском Востоке. Мы говорим о нескольких миллиардах населения земного шара, составляющих более его половины. С точки зрения истории цивилизации куль-

тура Китая и Индии исторически намного превосходит даже европейскую цивилизацию. Но мы забываем о том, что развиваются и другие страны. Давайте посмотрим цифры. Если население такой страны, как Вьетнам, составляет сейчас около 100 млн человек, а в 2016–2017 годах, думаю, оно перейдет эту границу, то это почти четверть населения всего Евросоюза. Как видим, складываются совершенно новые реалии, формирующие новую правовую карту мира.

Обсуждая проблемы, связанные с дальнейшим цивилизационным развитием, национальными интересами и международным балансом этих интересов, мы должны исходить из тех новых реалий, которые объективно существуют. Реалии имеют свое проявление с точки зрения и экономики, и менталитета, и традиций, и приверженности своей истории, культуре. Думаю, что эти вопросы будут предметом обсуждения на наших дальнейших встречах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Евгению Ивановичу Макарову.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые участники и гости, уважаемый президиум! Прежде всего позвольте мне от имени учредителя Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — Федерации независимых профсоюзов России — приветствовать вас на XV Международных Лихачевских чтениях, традиционно проводимых в дни, совпадающие с днем рождения Университета, и в преддверии дня основания нашего замечательного города. Профессиональные союзы Российской Федерации придают большое значение этой, поначалу общественной, инициативе — Лихачевским чтениям, с годами превратившейся в крупное научное и культурное событие международного масштаба. Состав участников, дискуссионные вопросы, обсуждаемые на площадке Чтений, безусловно, являются актуальными, затрагивают глубокие, я бы сказал, фундаментальные проблемы развития нашего общества, диалога и взаимодействия культур. Я и мой коллега, председатель Федерации независимых профсоюзов России Михаил Шмаков, уверены, что нынешние Чтения, проходящие в весьма напряженной и динамично меняющейся международной обстановке, как всегда, послужат укреплению мира и согласия, предотвращению конфликтов и снижению напряженности. Благодарю вас за время, которое вы уделили для участия в этом важном и нужном мероприятии.

Обращаясь к нашим уважаемым иностранным участникам, хочу напомнить цитату Уинстона Черчилля, который как-то сказал: «Россия — это даже не страна, Россия — это секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной». У вас, уважаемые гости, в отличие от Черчилля, есть шанс раскрыть секрет, разгадать загадку, открыть тайну. Желаю вам это сделать во время пребывания в нашем городе.

Несколько слов о докладе, который я подготовил для сегодняшних Чтений. Он посвящен новой политической реальности, неформальному межгосударственному объединению Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (БРИКС), точнее

той части этого нового международного явления, которая относится к профсоюзному движению. Нет ничего удивительного, что из девяти лет существования БРИКС в разных форматах профсоюзная составляющая работает уже шестой год. В докладе я раскрываю те мотивы, которые заставили национальные профсоюзные центры стран-участниц образовать этот новый формат взаимодействия — профсоюзный форум БРИКС. Я говорю об актуальной повестке дня, которая послужила базой для контактов, о том, какие темы, затрагиваемые на государственном уровне, оказались созвучны профсоюзным позициям, что мы поддерживаем, чем обеспокоены, на что обращаем внимание лидеров стран.

Особое внимание уделяется идее переноса в социально-трудовую сферу стран БРИКС так называемой «интегральной модели социального партнерства» на все уровни присутствия бизнеса и профсоюзов, которая более ста лет является фундаментальным основанием деятельности Международной организации труда, работающей на основе трипартизма. По нашему мнению, именно этот подход позволит мобилизовать человеческий потенциал доброй половины земного шара на его устойчивое и справедливое развитие. В докладе содержится ответ на критику, раздающуюся в адрес тех, кто активно продвигает идею укрепления БРИКС. Я обращаю внимание на то, что БРИКС не может трактоваться как альтернатива другим международным организациям, так как является неформальным объединением, лишенным бюрократии, основанным на общем понимании будущего устройства мира, построенным на уважении политического, государственного суверенитета и невмешательстве в дела друг друга. БРИКС — это инновационная попытка построить более справедливую модель отношений, лишенную родовых травм англосаксонской системы взглядов на мироустройство.

В июле этого года в столице Республики Башкортостан Уфе состоится саммит БРИКС, и там же в это же время будет проведен Профсоюзный форум БРИКС. Председательство Российской Федерации в этом межгосударственном объединении предоставляет российским профсоюзам удачную возможность выдвинуть профсоюзные инициативы, реализация которых позволит существенно изменить качество социального диалога в рамках БРИКС и в определенной степени продвинуть реализацию главных идей этого объединения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в работе Международных Лихачевских чтений принимает участие ряд крупных, известных во всем мире журналистов. И я бы хотел пригласить на трибуну профессора Михаила Соломоновича Гусмана.

М. С. ГУСМАН: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, друзья, для меня большая честь участвовать в Лихачевских чтениях. Журналистика играет все большую роль в современном мире. Наверное, это тоже неслучайно. Бесконечно уважаемый и любимый Дмитрий Сергеевич Лихачев очень

уважительно относился к журналистике, хотя немножко опасался журналистов. А они его обожали. Он редко отказывал журналистам и был всегда желанным гостем и на страницах наших газет, и в радиозфире. Хотя его врожденный такт и некая щепетильность всегда как-то его сдерживали, он действительно был любимцем нашего сообщества. Поэтому естественно и органично то, что одна из секций Лихачевских чтений посвящена журналистике.

Тема нашей секции «Информационные вызовы XXI века и свобода СМИ», на мой взгляд, действительно актуальна. В этом зале присутствует интеллектуальная элита России, да не только России, большей части мира. Наверное, невозможно даже вычислить коллективный IQ всех присутствующих на этих Чтениях. И поэтому вряд ли я буду оригинальным, если скажу о том, что мы живем в век информации, новых информационных технологий. И здесь я не хотел бы показаться ретроградом и консерватором, но в этих современных информационных вызовах, технологиях, на мой взгляд — взгляд человека, который уже несколько десятилетий занимается информационной журналистикой, таится очень большая опасность. Мне кажется, эти современные информационные технологии все больше вызывают необходимость того, чтобы мы, может быть, даже на самых ответственных, важных международных площадках, в том числе Организации Объединенных Наций, попытались выработать какие-то правила взаимодействия в современном информационном мире.

Мы сегодня привычно произносим слова типа Facebook, Twitter, все это очень современно, актуально и связано с каждым. Мы стали называть социальные сети средствами массовой информации, хотя, на мой взгляд, они таковыми не являются, и я принципиально разделяю понятия «средства массовой информации» и «социальные сети». Постольку поскольку социальные сети, я считаю, служат прежде всего средством коммуникаций и таковыми являются, а отнюдь не являются СМИ. Эта некая путаница в умах, по моему мнению, очень опасна, потому что сегодня общество в целом не до конца понимает определенную угрозу, которая таится в информационных технологиях. Конечно, здесь мы говорим не о бытовом, а о профессиональном, общественном уровне использования социальных сетей, с точки зрения использования их в самых разных, подчас далеко неблагоприятных целях.

Мы живем в век, когда хакерские атаки могут приводить к самым ужасным последствиям и производить самый страшный эффект. Если мы вовремя не договоримся о правилах игры в этом современном информационном мире, я сильно опасаясь, что нас ждут большие беды. Вы понимаете, когда сто с лишним лет назад появились первые автомобили, то на них не было номеров, а на улицах не было уличных знаков. И только после того, как участились аварии, появились знаки дорожного движения, а когда автомобили стали воровать, появились номерные знаки. Сегодня у меня такое ощущение, что мы используем современные информационные технологии, как те самые первые владель-

цы автомобилей, без правил на улицах и без номеров на своих машинах.

Можно привести миллион примеров, показывающих, какие могут возникнуть опасности в такого рода ситуации, если от этого не пытаться оградиться и защитить себя. Самый простой пример. Здесь находится мой давнишний коллега и близкий друг Том Кент — один из руководителей выдающегося информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс». Мы с ним знакомы несколько десятилетий. В позапрошлом году в результате хакерской атаки был взломан сайт их агентства и появилось сообщение, что в Белом доме произошел взрыв и президент Обама тяжело ранен. И это абсолютно фальшивое сообщение было подхвачено тысячами СМИ во всем мире. К сожалению, даже мое родное агентство «ТАСС», от которого, если честно, я меньше всего этого ожидал, тоже попало на эту фальшивку. Сообщение провисело, может быть, несколько десятков секунд или пару минут, но успело облететь весь мир. Даже на этом примере видно, какие могут быть страшные последствия и какие опасности таятся в этом.

Мы много говорим о свободе слова, но в ней тоже таится угрозы. В прошлом году мы отметили столетие Первой мировой войны. Но вряд ли кто-нибудь знает, что в прошлом же году следовало бы отметить столетие первой мировой информационной войны. Если человек, который интересуется историей, и в частности историей журналистики, откроет прессу столетней давности, он увидит, что первый всполох информационной войны произошел именно тогда, во время Первой мировой войны. Да, тогда еще не было ядерного оружия, телевидения и нейтронного оружия Интернета, но уже были кавалерийские атаки газет и достаточно мощная артиллерия радио. Я это говорю к тому, что, к сожалению, сегодня, когда мы отмечаем столетие Первой мировой войны и пытаемся сделать какие-то выводы, хотя многие говорят, что не способны делать выводы из войн, информационные войны продолжают, и современные информационные технологии, которые встали им на службу, представляют особую угрозу и опасность. Я бы не хотел выглядеть алармистом в своем выступлении, но именно эти опасения привели меня сегодня в этот зал, на Лихачевские чтения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующим выступит наш гость из Соединенных Штатов Америки, известный в мировом сообществе экономист Джон Гэлбрейт.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Мне очень приятно выступать здесь, на Лихачевских чтениях. Мне вспомнился один эпизод из всемирной истории: осенью 1963 года президент Кеннеди попросил моего отца стать послом в Советском Союзе, на что он согласился. Нет сомнения, что у президента была какая-то цель, но разговор не продолжился. И потребовалось 25 лет, а также другой лидер, чтобы настала новая эра международных отношений. А тогда эта возможность была упущена. Понятно, что те, кто живет в Америке, продолжают соблюдать то, что мы по-прежнему называем традицией,

основанной Кеннеди и Рейганом, которая определяет наш подход к сотрудничеству. Это тем более правильно, если мы говорим о долгосрочном сотрудничестве, об обществе, о том, что можем сделать, чтобы повысить шансы на успех. Я был очень впечатлен, когда в газете прочитал статью известного ученого, академика Богомолова, посвященную этой конференции. Он написал, что социальная критика подразумевает, тем не менее, какое-то исправление, получение, позволяет принять разнообразные подходы, сохранить различные традиции и тем самым создать систему ценностей, которая была бы не односторонней, а всесторонней и разнообразной.

В связи с этим я продолжу придерживаться идеи, что надо больше общаться с обычными людьми, чтобы каким-то образом бороться с пропагандой, сохранить достоинство. И учреждения или объединения, которые позволяют более демократичное представительство, участие людей в подобных процессах, дают возможность балансировать интересы правительства, которые, по мнению многих людей, не всегда оптимальны. Проблемы, связанные с эффективным гражданством, так или иначе касаются нас всех. Особенно если мы говорим о процессе восстановления и укрепления демократии. Мой собственный очень скромный вклад, в частности в сфере науки, заключается в том, что я пытался приоткрыть завесу, изучая экономическую статистику. Это, можно сказать, очень прозаичная задача, но, тем не менее, у меня был интерес к этой сфере. Я хотел что-то определить, сделать, чтобы подчеркнуть важность тех или иных изменений в обществе, которые видны из статистики и позволяют развеять определенные мифы.

Это работа, которой я занимался некоторое время, и сейчас это уже охватывает весь мир, приводит нас к определенным интересным выводам. Упомяну некоторые из них. Первое: рост экономического неравенства, который мы наблюдаем повсеместно. Это аспект финансовой глобализации. Это не поощрение само по себе за успешную напряженную работу или приобретенные таланты, а концентрация финансовых ресурсов, финансовой мощи.

Второе: глобальный аспект или масштаб этого процесса, который опять-таки связан с тем фактом, что финансовая власть концентрированная, она получает возможность воздействовать на самые удаленные регионы. И иногда это воздействие выражается в обратном эффекте, не в том, который изначально заявлен или служит целью. И третье: это то, что тенденция не кажется какой-то постоянной, невозвратной, неизменяемой. Она, может быть, иногда меняется не так быстро, как хотелось бы. Тем не менее политическая воля может менять эту тенденцию, этот ход развития, если мы объединим наши усилия и если будет достаточно сил для этого. История — это очень длительный процесс, и не все в ней было справедливо, как об этом говорил господин Мартин Лютер Кинг. И я ему верю. Тем не менее я также знаю слова Уильяма Оранжа, который сказал: чтобы продолжать какое-то действие, необязательно надеяться на лучшее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну нашего гостя из Мексики, который работает в Москве, господина Рубена Альберто Бельтрана Герреро.

Р. ГЕРРЕРО: — Уважаемые господа, я бы хотел выразить благодарность ректору и его коллегам за удовольствие выступить перед вами. Я озвучу пять пунктов, которые отражают то, что я подготовил для этой конференции.

Первое: взаимоотношения между странами не существуют в каком-то вакууме. Иногда мы оцениваем отношения между странами в определенной связи, которая образовалась или существует. Предложу конкретные ситуации. В частности, в этом году мы отмечаем 125-летие установления дипломатических отношений между Мексикой и Россией. Это очень важная дата. И мы уверены, что отношения между нашими странами нельзя оценивать только лишь непосредственно за этот период. Это исторический процесс: они начали развиваться еще до того, как были установлены официально. В то время, когда мы их установили, даже еще не было Советского Союза. Теперь это другая страна, но мы остаемся партнерами, друзьями и очень гордимся этим. Если ваша страна участвует в глобализации, то вы не сможете выбирать только то, что вам нравится в этом процессе. Вы не можете сказать, что эта сторона глобализации вам нравится, а эта нет. Нужно разработать такую стратегию, чтобы вы могли интегрироваться в процесс глобализации наилучшим образом.

Второе: если страна хочет достичь определенного уровня развития, необходимо отойти от макроэкономических показателей, поскольку они говорят, что у нас таких-то ресурсов больше или такая-то макроэкономическая политика наиболее эффективна. Есть вещи, которые не исчисляются цифрами и напрямую не связаны с благосостоянием населения. Прежде всего развитие должно быть нацелено на улучшение человеческого благосостояния, на молодежь, которая является человеческим капиталом. Потому что самое большое богатство страны — это и есть человеческий капитал. В Мексике проживают 120 млн человек, и средний возраст населения — 27 лет. Поэтому будущее моей страны — в молодежи. Вся наша политика должна учитывать это, чтобы были определенные выгоды, определенная польза, прежде всего для развития молодежи.

Третье: нужны реформы, чтобы что-то улучшить в определенной сфере. И чтобы это сделать, необходимо составить определенную повестку дня, собрать людей и сказать: вот такая повестка, давайте ее выполнять. Это прагматический подход. Я хочу подчеркнуть, что сегодняшнее правительство составило своего рода пакт Мехико — это усилия правительства по объединению всех слоев общества, которые должны участвовать в формировании этой повестки дня. Недостаточно проводить реформы только с помощью политиков. Нужна поддержка широких слоев населения, поскольку именно они будут воплощать в жизнь эти предложения, эту повестку дня, которая окончательно определяется в политике. Спустя 20 месяцев после прихода

да к власти действующего президента он предпринял усилия, чтобы начать в стране юридическую, культурную, образовательную, энергетическую, политическую реформы. Все эти реформы должны дать своего рода толчок, стимул нашему обществу, нашей стране, чтобы лучше интегрироваться в современную международную ситуацию. Конечно же, важны и ВВП, и валовой национальный продукт, и другие ключевые показатели, но мы должны все больше соответствовать вызовам глобализации. Как я уже говорил, мы не можем войти односторонне в этот процесс. Такая растущая молодая экономика, как Мексика, не уйдет от этого, нам необходимо интегрироваться.

Четвертое: для развития важна экономика. Мексика является одной из самых открытых экономик в мире. У нас очень много торговых соглашений, рынок составляет примерно 1,4 млрд долларов. 30 % всего экспорта Латинской Америки приходится на Мексику. Это довольно большая доля. Мы стараемся, чтобы наша экономика стала более открытой и интегрировалась в мировую.

И последний, пятый пункт: Россия и Мексика должны расширять сотрудничество, для того чтобы чаще участвовать в различных форумах, совместных программах. Мы входим, в частности, в ОПЕК, а также в «Большую двадцатку». Мы вместе с Россией участвуем в работе Международной торговой организации, пытаемся продвигать наши точки зрения в рамках ООН и других международных организаций. Это все подразумевает более широкий диалог. Страна должна быть готова преодолеть некоторые барьеры, трудности для того, чтобы этот диалог был расширен и проходил более успешно. Времена двусторонних отношений прошли, не потому, что они недостаточно хороши или несправедливы, просто их время ушло. У нас многополярная реальность. И мы должны воспользоваться преимуществами, которые она дает: расширить наше сотрудничество, охватить все больше участников в этом процессе. И особенно важным это становится в год празднования 125-летия наших отношений с Россией. Завтра я поеду на Байконур, и я очень горд тем, что в ближайшем будущем Роскосмос запустит мексиканский спутник.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово выдающемуся философу, Почетному доктору нашего Университета, академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хотел бы сосредоточиться на общей теме наших юбилейных Чтений — глобальные вызовы и национальные интересы. Фокус рассмотрения необычайно точен — национальные интересы. Это важный фактор глобальных процессов, на них оказывают противоречивое воздействие, во многом национальные интересы являются оппонирующей силой и сами стали своего рода глобальным вызовом современного мира.

Национальные интересы и национальный фактор вообще (в составе сил, которые определяют общественное развитие) играют намного более важную

роль, чем мы думаем и чем это отражается в нашей литературе, являются более весомым фактором и оказывают мощное мотивирующее воздействие.

Сегодня прозвучало интересное свидетельство: Петр Петрович Толочко из Украины привел разговор с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который в момент распада Советского Союза сказал: «Пусть все другие уходят, но три славянские республики останутся вместе». Он был в этом уверен. Так же думал и даже развил свою концепцию Александр Исаевич Солженицын. Но они ошиблись. Этот пример свидетельствует о том, что наше представление о нации, национальных движениях, их силе не всегда соответствует тому, что происходит на самом деле.

В настоящее время преобладают два подхода к нации: нация понимается, с одной стороны, как этнокультурная общность, принадлежность к которой определяется рождением и воспитанием, с другой — как политическая общность, принадлежность к которой определяется гражданством. Конечно, это односторонние представления, но они не ложные. И даже соединенные вместе, эти определения не дают полного представления. Сейчас важно скорее не переосмыслить, а проблематизировать вопрос о нации.

Хочу обратить внимание на два момента. Первый: нации возникают как формы человеческого постсословного общежития, то есть вместо сословной организации общества. Возникновение нации совпадает с образованием демократических государств. Национальное, демократическое, буржуазное государство — это разные формулировки одного и того же явления. Возникновение нации связано с демократическими процессами, правами человека, превращением общества из полуобразованного в образованное, людей из подданных — в граждан. То есть понятие «нация» реализует два постулата из знаменитого лозунга Французской революции «Свобода, равенство и братство» — свобода и равенство.

Но нация — это не только постсословная историческая общность, но и определенная духовная общность, которая исторически приходит на место религиозной. То есть это пострелигиозное духовное объединение людей. Это обнаруживается в тех исторических опытах, где нация разделена конфессионально. Основной принцип состоит в том, что национальное единство выше религиозных, политических различий. Этот же принцип проявляется, когда речь идет о международной политике, но там он представлен в другом виде — национальные различия важнее религиозного единства, будь то единство католического, православного или мусульманского мира. Везде мы наблюдаем похожие тенденции. Это говорит о том, что нация — исключительно важная духовная общность. Нация воплощает в себе аспект, в котором реализуется третье понятие триады Французской революции — братство.

Что такое свобода и равенство — понятно. Братство связано с формированием и развитием наций и обнаруживает себя тогда, когда оказывается, что служение народу, нации — высокий общественный мотив. В этом смысле нация как носитель более высокого духовно-

го начала, чем то, которым руководствовались люди до возникновения наций, связана с идеей общественной справедливости. Нация берет на себя обязанность в этих пределах реализовать общественную справедливость, которая переносилась, скажем, в религиозных утопиях в потусторонний мир. Если мы выдвигаем идею, что благо нации — высокий мотив общественно-го поведения (например, патриотизм), то возникает вопрос: в чем заключается это благо? Тем самым мы начинаем видеть некую внеациональную перспективу, согласно которой нация — это уже не последнее слово в истории. Значит, нужно выработать такое понятие нации, которое не закрывает пути развития, предоставляет выход в другую сферу, чему в наших изысканиях мы уделяем недостаточно внимания.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Наш следующий докладчик — иностранный член РАН, выдающийся ученый Аскар Акаевич Акаев.

А. А. АКАЕВ: — 2015 год является переломным, ключевым для мировой экономики, которая только начала восстанавливаться после мирового финансово-экономического кризиса 2008 года и великой рецессии 2009-го. На этом пути мировая экономика, начав восстановление в 2012, в 2013 году показала темпы роста 3,5 %, в 2014 — несколько ниже, 3,3 %. Но это очень встревожило видных экспертов мира, которые разделились на два лагеря. Оптимисты говорят, это был случайный сбой и в 2015 году мировая экономика вновь наберет темпы, они достигнут 4 %, а может быть, и больше. Эксперты основываются на том, что лидеры развивающегося мира — экономики Китая, Индии — уверенно продвигаются вперед высокими темпами — 7 % и более. Главный локомотив мировой экономики — Соединенные Штаты Америки — вышел из депрессии и встал на путь устойчивого экономического роста с потенциальными темпами 3 %. Пессимисты говорят, что спад продолжится и в 2015 году темпы мировой экономики опустятся ниже 3 %.

Неопределенность в развитии мировой экономики, которая сложилась в 2014 году, определяется не экономическими факторами, рисками, а исключительно ростом геополитической напряженности, о чем на всемирном Далласском форуме было сказано, что не экономические, а геополитические риски послужат фактором дестабилизации мировой экономики и вообще стабильности в мире.

Пессимисты указали на самое слабое звено мировой экономики — это экономика еврозоны, где продолжается стагнация. Наша группа, занимающаяся компьютерным моделированием в Московском государственном университете, обнаружила, что экономика еврозоны в 2014 году испытала бифуркацию. Это состояние неустойчивого равновесия, когда любой позитивный шок может подтолкнуть экономику к подъему, если это переходо-устойчивый рост, и любой малый отрицательный негативный шок спроса может подтолкнуть экономику еврозоны к спаду и привести к повторной рецессии. Проблема заключалась в том, чтобы заработать позитивный шок. Мы выяснили, что в качестве

позитивного шока может служить только разрядка напряженности на европейском континенте — окончательная отмена взаимных экономических санкций, поскольку Россия для еврозоны является третьим крупнейшим торговым партнером. Только отмена санкций и торгово-экономическое сотрудничество с Россией могут послужить позитивным шоком, который приведет экономику еврозоны к подъему и переходу на траекторию устойчивого развития.

Это один из ключевых факторов, обусловивших то, что политические лидеры Евросоюза, канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд, выступили в феврале 2015 года с мирной инициативой по урегулированию кризиса на Украине. Мы полагаем, что европейские аналитики, эксперты также информировали своих лидеров. Хотя санкции Запада наносят большой ущерб экономике России, наша компьютерная модель показывает, что они могут нанести гораздо больший урон экономике еврозоны, поскольку она находится в состоянии бифуркации, что может подтолкнуть европейскую экономику к рецессии.

В частности, французский экономист Жак Сапир подсчитал, что в 2014 году из-за взаимных санкций Германия потеряла 0,5 процентных пунктов роста (при росте 1 % это имеет большое значение), Франция — 0,25, Венгрия — 0,8, Польша — 1 %. Жак Сапир и другие эксперты (в частности, наши компьютерные модели) показали, что в 2015 году потери еврозоны были бы гораздо больше, если бы усиление санкций продолжилось. Но мудрые политические лидеры Евросоюза в лице канцлера Германии и президента Франции упредили этот шаг. Мы наблюдаем, что число сторонников разрядки напряженности в европейской зоне, европейских странах растет. Последние прогнозы экспертов свидетельствуют о том, что еврозона все-таки испытает позитивный шок. В этом году экономика еврозоны вырастет до 1,5 %, тогда как в 2014 году было 0,8 %.

Я привел эти данные в подтверждение тезиса, сформулированного академиком Вячеславом Семеновичем Степиным. Он сказал, что в XXI веке только договаривающиеся лидеры будут играть созидательную роль (мы это наблюдаем на примере лидеров еврозоны). Чем дальше, тем больше должно быть таких договаривающихся лидеров, играющих созидательную роль. Европейская зона преодолела бифуркацию в сторону роста, перешла к устойчивым темпам роста. Это облегчит и участь России: российская экономика испытает легкую рецессию, и начнется подъем. Все это будет способствовать более устойчивому высокому темпу роста экономики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующий оратор — представитель гражданского общества России, Почетный доктор нашего Университета, адвокат Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Я подхватываю посыл двух наших выдающихся философов: Вячеслава Степина — относительно того, что XXI век должен быть веком людей договаривающихся, и Абдусалама Гусейнова, кото-

рый напомнил фразу Клаузевица: «У страны нет вечных друзей и вечных врагов, а есть только вечные национальные интересы». Нации в государстве должны понимать, что их деятельность способствует подъему на более высокий наднациональный уровень.

Что сейчас происходит в России? Разворачивается драматическая ситуация — в конфликт вступили две близлежащие страны. В этом смысле полностью поддерживаю то, что сказал Абдусалам Абдулкеримович. Ошибки свойственны и великим людям. И академик Лихачев, и писатель Солженицын исходили из ошибочного тезиса о том, что украинцы и великороссы, как их называли, развивались как один этнос. Эмпирически это не подтверждается. Все исторические изыскания свидетельствуют о том, что, в общем, культурно, этнически они формировались по-разному.

Нынешний этап обострения, политической турбулентности очень опасен. Пропагандисты, журналисты, ученые и вообще представители научного мира мобилизуются для того, чтобы сплотиться вокруг руководства страны, которое приняло определенное решение. Правда не просто искажается, она затаптывается, и в этой ситуации разжигается ненависть, всякое критическое слово воспринимается как враждебное. Любой оппонент определяется как представитель некой «пятой колонны». Эта ужасная ситуация развивается, как справедливо заметил мой друг В. Т. Третьяков, и, к сожалению, не смягчается.

Главное для ученых, то, чему они посвящают жизнь (я, несмотря на то что работаю в адвокатуре уже 30 лет, человек, «ушибленный» наукой), — истина. Мы привержены правде. Возможна свобода мнений, но не может быть свободы факта. Когда намеренно или ошибочно факты извращаются, правда замалчивается, она мстит через определенный промежуток времени (может быть, сразу либо через десятки и сотни лет). У лжи — короткие ноги, у правды — длинные руки. Сейчас на Украине мы наблюдаем итог ошибочного представления о развитии двух разных наций, цепи ошибок двух государств: и Украины, и России. Это ошибочность нашей политики на Украине и политики украинского руководства, которая все более усугублялась.

В 2015 году мы отмечали 70-летие нашей Победы. Это живой праздник, потому что живы люди, которые отстояли нашу независимость, благодаря которым мы живем. Меня как еврея не покидает ощущение, что я мог бы не жить, если бы отца за месяц до Ленинградской блокады направили бы не ректором консерватории в Саратов, а, например, в Харьков, мы не успели бы эвакуироваться. Великолепная идея — бессмертный полк. Ее подала, может быть, единственная независимая телекомпания в Томске. Но эту компанию закрыли, потому что она независимая, отстаивает ценность свободы слова и свободы массовой информации.

Какие итоги вынесли народы из Второй мировой войны? Они ужаснулись тому, что может сделать тоталитарное государство с людьми, что может сотворить со своей страной и миром культурнейшая нация, считающаяся себя верхом цивилизации. Из этого возникли международные договоры, пакты о гражданских и по-

литических правах, Европейская конвенция о защите прав человека.

Чем опасна ситуация нагнетания ненависти, умножения лжи? Сейчас звучат ужасные призывы депутатов Госдумы о выходе России из Совета Европы, из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, норма о приоритете международного права над национальными законами называется диверсией. Это ненормально

Думаю, что в период политической турбулентности наша задача как ученых возрастает — мы должны «промывать мозги». Сейчас возможность высказаться перед многомиллионной аудиторией есть не у каждого. Поэтому нужно объяснять студентам, простым людям, положения Конституции. Нет ни одного общепризнанного принципа и нормы международного права, которые не были бы закреплены в Конституции РФ.

Международные договоры, если обнаруживаются противоречия с национальным законодательством, подлежат применению, они приоритетны. Договор предполагается, что, подписав его, стороны, государства, договорились его исполнять. Существует Венская конвенция о праве международных договоров. Страна может выйти из международного договора, если он ее не устраивает. Что же в современной ситуации предлагают ответственные государственные деятели? Мы заключили международные договоры, выходить из них не будем, но и выполнять не станем.

Периоды турбулентности, обострения между государствами не должны перечеркивать главного достижения, которое нужно развивать в следующем направлении: над национальными законами, суверенитетом стран стоят права и свободы человека. Россия, присоединившаяся к Европейской конвенции, заявила: «Мы согласны, чтобы наше законодательство, правоприменение главным образом ограничивалось международными нормами». Я, как европеец, хочу сказать: только достоинство и свобода личности могут в перспективе обеспечить устойчивость международного развития всех стран.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пленарное заседание началось с выступления Петра Петровича Толочко об Украине и продолжилось выступлением Генри Марковича Резника о правах человека (но в начале его выступления тоже звучала тема Украины), ошибках Солженицына и Лихачева.

Ошибки Солженицына и Лихачева, с моей точки зрения, связаны с тем, чего не смог предвидеть Карл Маркс. Я хочу сказать несколько слов об этом в связи с Украиной и проблемой массовых коммуникаций.

Я, как и Генри Маркович, считаю себя европейцем (а в начале 1990-х гг. я был еще и американцем). Однако люблю Россию и всегда считал, что жить в России — счастье. Если бы не Россия, то я, пожалуй, хотел бы жить в США (стране разных национальностей, культурных корней и т. д.).

Генри Маркович, я принял бы Ваши рассуждения о Европейском суде по правам человека и Европарламенте, если бы не следующий момент. Любой суд можно принять, если уверен на 100 % в том, что он по отно-

шению к тебе будет справедлив. Я не уверен, что Европейский суд по правам человека намного справедливее, чем российский по отношению к российским гражданам, что этот суд проявит исключительную принципиальность, когда речь будет идти об интересах Запада и России и тем более о Европарламенте. Это сложная структура, на обывательском уровне возникает много вопросов, что такое Совет Европы или Парламентская ассамблея Совета Европы, из которой Россию исключают и не дают права голоса. Люди из других отраслей знания хотели бы в этом разобраться. Не исключено, что, разобравшись, мы придем к такой же точке зрения, но может возникнуть и иная точка зрения. Действительно права человека — важная ценность, и нам хотелось бы, чтобы в российской практике эта ценность все больше утверждалась.

Несколько слов об Украине. Петр Петрович высказал свои соображения по поводу Украины, Генри Маркович — свои. Различие видится в том, что Петр Петрович считает, что украинцы не являются единым этносом, а Генри Маркович, что Россия и Украина являются разными этносами. Я принял бы обе точки зрения, но считаю, что Украина не является этносом вообще, в целостном понимании. Там, наверное, должны были пройти процессы, объединяющие различные этнические группы, религиозные конфессии, что создало бы основу для реального национального единства. На мой взгляд, антироссийские настроения и мифический путь в Евросоюз — не основа для национального единства. Недостаточно провозгласить в газетах движение в Евросоюз и даже подписать договор, чтобы стать единой нацией, тем более европейской, для этого нужны другие условия.

Об этих условиях мне и хотелось бы сказать несколько слов. Петр Петрович выразил удивление, что с Украиной очень быстро произошли такие метаморфозы. Вызывает сомнение, что они произошли со всей Украиной. Я думаю, что эти изменения затронули сравнительно небольшую социальную группу, которая в данном случае получила власть. Вряд ли Донецк, Луганск, Днепрпетровск, Одесса сегодня едины в этом порыве вместе с Киевом и Львовом. Там протекают все-таки более сложные процессы. Не думаю, что на Украине есть единая нация. Конечно, украинцы сегодня имеют существенные отличия от нас, хотя и в России, если мы посмотрим на Татарстан, Москву, Петербург и Камчатку, тоже возникает вопрос о единой нации. Но она все же есть, хотя существуют значительные различия на территории огромной России. Сомневаюсь, что различия между, допустим, Москвой и Татарстаном меньше, чем различия между Москвой и Одессой или между Москвой и Донецком.

В чем ошибались Лихачев, Солженицын и чего не предвидел Карл Маркс? Они не предвидели, на мой взгляд, радикального изменения капитализма, произошедшего во второй половине XX века и практически неизученного фундаментальной наукой. Суть дела в том, что продукция на современном этапе развития капитализма изготавливается не на производстве, а в головах людей. Предметы обретают свою потребительскую стоимость, которая может быть очень не-

большой, но люди платят за них огромную цену в магазинах. В магазине французские духи стоят 80 евро, на производстве — 1 евро. Разница в 79 евро — это смысл, который сформирован в головах людей. В этом отличие нашей эпохи от эпохи Маркса. Мы называем это информационной революцией, но на самом деле центр тяжести производства переместился с фабрик в головы людей.

Средства массовых коммуникаций производят в головах людей смыслы. В итоге люди обладают смыслами, к которым они не пришли путем познания, сравнения, размышления. С ними работают на совершенно ином уровне — на уровне подсознания. В результате автомобиль «Бугатти», который стоит на заводе примерно 25 тыс. евро, продается за 1 млн евро. Появились технологии манипуляции массовым сознанием. Лихачев и Солженицын об этом не думали, хотя они уже наблюдали массовые манипуляции — и сталинские, и гитлеровские, и много других.

В XX веке реклама сначала рекламировала кофе, потом создавала имиджи политиков, а сейчас средства массовой коммуникации входят в наше сознание и формируют его. На Украине оказалось возможным за несколько лет, если не за несколько месяцев, сформировать в головах миллионов людей представление, что украинцы являются особой нацией — древними украинцами, которые когда-то создали Древний Рим. Любопытно, кто изучал историю, знает, что Древний Рим был создан не древними украинцами.

В массовое сознание внедрялся миф о том, что украинец — это западный европеец. Потом, через несколько лет, неизбежно придет понимание, что эти размышления расходятся с реальностью. Точно так же россияне в 1990-е годы решили стать европейцами. Мы были в начале того пути, на котором сегодня находится Украина. Мы тоже ориентировались на Запад, хотя и не говорили, что станем частью Евросоюза. Потом оказалось, что наши реальные объективные качества совершенно иные, чем смыслы (во многом даже прекрасные), которые у нас появились в начале 1990-х годов. Произошла революция, но она не в свободе Интернета (там нет никакой свободы), а в свободе манипуляций человеческим разумом. Это огромная опасность, которую, как мне кажется, нам еще предстоит осознать.

Генри Маркович, я благодарю Вас за интересное выступление, мы должны видеть многомерность ситуации. Слово предоставляется нашему гостю из Канады Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ: — Уважаемые коллеги, сегодня мы смотрим друг на друга в лучшем случае взглядом таможенника, а в худшем — военного, который стратегически планирует уничтожение другого. Я хочу показать, что в макросоциологическом и макрополитическом плане мы похожи друг на друга, сталкиваемся с одними и теми же проблемами.

Первый пункт моих размышлений: независимо от качества режима (демократический, авторитарный или диктатура) все страны сталкиваются с одинаковыми проблемами управления: мы затрудняемся навести

порядок, уменьшить разницу в доходах и т. д. Это уникальный момент в истории, когда проблемы большинства стран начинаются внутри государств. Конфликты редко навязываются извне.

Крупные международные проблемы начинаются с локальных проблем. Этому существуют два объяснения. Первое предложил болгарский социолог Иван Крастев: за последние 80–90 лет произошла циклическая переориентация нашего отношения к рынку и государству. После кризиса 2008 года большинство граждан пришло к мнению, что нельзя доверять ни рынку, ни государству. Но, на мой взгляд, рынку и государству надо доверять. Я продолжу мысль, которую сегодня высказал профессор Колодко, и мысль макросоциолога Зигмунта Баумана, который поясняет это следующим образом: происходит разрыв между властью и политиками. Политики могут обещать что угодно, но на самом деле в рамках национального государства у них мало рычагов, чтобы выполнить обещания. Разрыв между политическим планированием и реальностью власти приводит к еще одному последствию — гражданам не доверяет не только рынку и государству, но и собственной власти. Данный процесс объясняется сложностью управления в глобальном масштабе независимо от политического строя страны.

Второй пункт. В такой ситуации, когда кто-то не может решить собственных проблем, встает вопрос о том, что такое сильная власть, сильное государство. Одни говорят, что сильное государство — это сильные институты, другие — что сильная армия, третьи — хорошая экономика. Но возникает новый феномен — «государства-лисицы», которые хитро умудряются свои проблемы перекладывать на других. Речь идет об экстернализации (внешнем проявлении) силы. Даже небольшие страны обладают огромной силой, проявляющейся в том, что они могут навязать другим свои правила игры. Греция, как и Сирия, — небольшие страны, но у европейского сообщества могут возникнуть большие проблемы с этими государствами. Экстернализация собственных проблем делает крупные и небольшие страны сравнимыми с точки зрения их властного потенциала.

Третий пункт. Политики приходят к заключению, что надо увеличить степень суверенитета. Если страна станет более суверенной, таким способом она ограничит риски, как внутренние, так и внешние. Но поскольку существует разрыв между властью и политикой, они не могут уже достичь стопроцентного суверенитета в условиях глобализации, где все страны связаны. Более того, существует опасность, что крайняя степень суверенитета доведет ситуацию до того, что правящие группы, элиты будут суверенными по отношению к собственному обществу, гражданам. Так происходит во многих странах мира, даже демократических. Возникает вопрос: что такое суверенитет?

Четвертый пункт: оказывается (и в этом я поддерживаю ректора Запесоцкого), что суверенные страны могут навязать другим свою повестку дня. Почему мы думаем, что демократия — это хорошо? Что неолиберализм — это спасение мира? Что либерализм — это хорошая идеология? Способность, возможность навязывания

своей повестки дня сейчас начинает быть ключевым элементом суверенитета страны. Тем самым ограничиваются рамки мышления, и как следствие, рамки мышления накладывают ограничения на поведение.

Пятый пункт: что с этим делать? Сейчас возникает много конфликтов, в которых мы повседневно участвуем. Они заключаются, например, в том, что мы говорим западным странам, что они должны быть либеральными и демократичными, а вы говорите, что ваш либерализм — вовсе не либерализм и не демократия. И в таком ключе мы продолжаем этот диалог. Получается, что мы навязываем модель, а вы эту модель отвергаете (по разным причинам). Но может быть и другой выход. Профессор Колодко говорил о прагматическом капитализме. Я говорю о том, что это завершение модели, какой бы она ни была: капиталистическое государство, государственственный капитализм, неолиберализм и т. д.

Китайцы и россияне пытаются сделать что-то иное, и я думаю, что за ними — будущее. Китайцы навязывают не модель, а процесс. Этот процесс со временем должен доказать свою жизнеспособность. Это означает, мы не выбираем, не имитируем и не тиражируем эти модели в глобальном мире. Есть определенный процесс, с которым можно не соглашаться, но если вы будете в нем участвовать, то получите все блага, которые связаны, с одной стороны, с глобализацией, а с другой — с регионализацией поведения. Для того чтобы мы перестали друг на друга смотреть взглядом таможенника, вместо модели нужно внедрять процессы, и жизнеспособность этих процессов докажет правоту идей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается наш гость из Турции господин Ташансу Тюркер.

Т. ТЮРКЕР: — Я хотел бы поговорить о концепции цивилизаций. Что она означает в политическом смысле, как используется в истории и сейчас? Нации развиваются в противоречии друг с другом. Идентичность — изменяемое понятие, по-разному понимаемое разными людьми в разное время.

Во времена Римской империи правил один император и политическая ответственность была единой и однородной. (Позже, в эпоху Просвещения, начали возникать империи, например Германская, Османская, Российская и др. И процесс начал развиваться по-другому.) Сейчас это уже невозможно, потому что у каждой страны, региона своя культура, свои подходы. Это мы называем системой стран-государств. После Вестфальского мира государства стали суверенными, но, тем не менее, они являются участниками всей мировой системы в числе других государств. Границы государства священны, никто не должен их нарушать или изменять. Тогда мы должны принять, что признаем все границы. Нельзя говорить о том, что одна граница признается, а другая — нет.

Что произошло с этой идеей? Распался Советский Союз, большая страна, вследствие чего была утрачена стабильность. Этот факт имел негативные последствия, это своего рода выпадение из организованной

системы, когда мы признаем другие государства, традиции, границы. Распад СССР вышел за рамки системы. Всемирная история сталкивалась с целым рядом таких явлений, которые, хотя и происходят нечасто, тем не менее радикально меняют картину мира, затрагивают целые регионы. Сейчас мы наблюдаем определенные тенденции централизации, это наднациональные изменения. Некоторые страны, присоединившиеся к этому движению, все больше сближаются (на основе расовых различий, религии, языка — основы могут быть разные, но, тем не менее, этот процесс имеет место).

Следующий пункт моих размышлений — это политическая мотивация, возможность и способность той или иной нации самоорганизовываться, организовывать других вокруг себя. Государство меняет свой характер, это уже не одно государство, а несколько стран, например Евросоюз. Наблюдается и противоположная тенденция — регионализация. Можно выделить целый ряд новых региональных центров. Эта тенденция развивается параллельно с централизацией. Россия после распада Советского Союза определенное время находилась в замешательстве, потом мы стали наблюдать процессы объединения. Подобные явления изучались многими учеными, например Данилевским еще в 1860-е годы, согласно которому выделяется частичная Вселенная, Вселенная в рамках одного союза, огромного региона, который определяет процесс упорядочения, централизованного развития.

Сегодня во всем мире образуются вакуумные центры, влияющие на изменение структуры, которые объединяют регионы и раньше не были объединены совместной деятельностью. Некоторые регионы внезапно «оживают», в зависимости от того, в каком процессе они участвуют. Подобные вакуумные центры влияют на окружение, стремятся к использованию силы, создают конфликты — в результате все приходит в движение. Есть такое выражение «Плохой мир лучше, чем хорошая война». Но если смотреть более прагматично на эти изменения, может быть, они могут привести к созданию более устойчивой новой системы. Может быть, в результате этих изменений мы обнаружим что-то реально функционирующее, жизнеспособное. Такие изменения в истории неоднократно приводили к улучшению ситуации, несмотря на то что были и негативные последствия. Нужно как можно больше изучать подобные региональные центры власти, задействовать их, подключать к разным процессам, чтобы избежать конфликтов. Региональные организации, напрямую, а не только через центр общающиеся друг с другом, позволят нам избежать новых конфликтов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Университета Инсбрука господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Мое сообщение затрагивает тему мирового порядка и национальных интересов, которую можно осветить с учетом того, что здесь уже говорилось, и вопроса о том, как национальные интересы можно отстаивать с достоинством, несмотря на гло-

бальную ситуацию. Мы должны стараться избегать недопонимания или конфликтов, что станет возможно, если мы проведем различие между нацией и государством.

Национальные интересы, их значение в сегодняшнем глобальном дискурсе можно сравнить с национальным суверенитетом. Национальный суверенитет означает суверенитет государства (которые в основном сейчас входят в ООН). Государство может состоять из разных наций. Поэтому любой человек может сказать: «Я — гражданин такого-то государства и в то же время принадлежу к определенной нации в рамках этого государства». Существуют государства, в котором всего одна нация, а есть страны, включая европейские, где несколько наций. В Европе много стран, неоднородных по своему этническому составу, они все мультикультурны. То, что сегодня называется национальными интересами в международном мире, на самом деле — суверенитет сообщества граждан, представляющих разные нации, но в рамках одного государства. Таким образом, это коллективная воля людей, которые живут на определенной территории в рамках конкретного признанного государства, оно выполняет объединяющую роль всех этносов на его территории. Конечно, государство должно способствовать соблюдению их прав, позволять им развиваться, обеспечивать их права на культурные и прочие виды идентичности, включая язык.

Такая поликультурная империя уже была в истории, например Австрийская, где были представлены небольшие народы, в частности словенцы и др. Уже тогда был мультикультурализм. Вопрос сейчас заключается в том, как сохранить национальные интересы конкретного государства, несмотря на происходящие изменения, в частности глобальный мировой порядок. Пока он по-прежнему однополярный. Существует тенденция глобального государства, которое распространяет национальные интересы как универсальные для всего человечества. По закону универсализма существует доминирующее государство и процесс, который вызывает целый ряд конфликтов, потому что не все готовы мириться с такой ситуацией. Если есть доминирующее государство, которое навязывает или говорит о превалировании своих интересов во всех уголках мира, то небольшие страны вынуждены укладывать свои интересы в рамки этой общей структуры. Но, тем не менее, они стремятся к тому, чтобы расширить границы своих интересов, увеличить свою роль.

Таким образом, национальный интерес можно понимать как коллективный интерес всех этносов, которые проживают в рамках одного государства. Такое государство на планете не одно, поэтому необходимо, чтобы оно признавало права и возможности других, также в рамках этого государства оно должно обеспечивать равноправие, равные интересы и права своих меньшинств и этносов. Мы можем обеспечить свои права, только если будем признавать права других. Нельзя подходить к этому эгоистически, утверждая, что только мои права важны, а другие — нет. Такая система не будет работать. Мы не сможем эффективно жить и работать в рамках такой структуры.

Я предлагаю уточнить понятие «национальные интересы», включить в него совместные глобальные интересы, которые так или иначе влияют на ситуацию. В глобальном мире мы все взаимозависимы и должны с пониманием относиться к необходимости учитывать интересы других, в частности если мы говорим об окружающей среде. Если одно государство намерено принять определенные законы, чтобы его население не страдало от негативного воздействия на окружающую среду, ввести ограничения по негативному воздействию на экологию, чтобы обеспечить здоровье своих граждан, оно не сможет это сделать в одиночку. Мы не достигнем прогресса в этом направлении, если не будем объединяться с другими. Например, если мы хотим избавиться от токсичного материала, конечно, можно вывезти его в Африку или на другую малонаселенную территорию, но делать это нужно в рамках конкретных договоренностей.

Следует также учитывать такой аспект, как качество международных отношений. Этот принцип пытаются проводить Организация Объединенных Наций, ратующая за равные права. В частности, хартия ООН говорит о том, что все государства, являющиеся членами ООН, равны в правах. И только когда мы признаем, что важны не только наши интересы и права, но и права других, мы сможем мирно сосуществовать в нашем сложном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается академик Олег Тимофеевич Богомолов.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я хочу затронуть тему, которая уже прозвучала с этой трибуны, но по поводу которой высказываются разные точки зрения. Несколько лет назад Давосский экономический форум проходил под девизом «Великая трансформация и формирование новых моделей». Президент форума Клаус Шваб сказал, что капитализм в его современном виде уже не отвечает реалиям, миру вокруг нас. Поэтому у него возникла мысль обсудить, в каком направлении будут проходить эволюция и устранение недостатков, которые выявились во время глобального кризиса 2008–2009 годов. Я начал интересоваться этой темой, читать литературу и следить за дискуссией, которая к тому времени уже началась.

К какому обществу мы придем? В советские времена один из лидеров нашего государства сказал, что мы не знаем общества, в котором живем. И сегодня такая постановка вопроса может быть отнесена к России и целому ряду других стран. Мы говорим о национальных интересах, но какой тип общества возникает, какая эволюция и в каком направлении происходит? Философ Эрвин Ласло написал, что социальная эволюция достигла такой фазы, которую можно было бы назвать кардинальным сдвигом в общественном развитии во всем мире. Этот сдвиг связан с целым рядом процессов, которые мы теперь называем революцией: научно-технической, информационной, геополитической. То есть кардинальные перемены в самом устройстве жизни на нашей планете совершаются и сопровождаются рядом последствий. В первую

очередь перемены, особенно в области техники, развитии науки, открывают новые возможности. Но так как они происходят достаточно быстро, человеческое сознание не все может воспринять, возникают смуты и деструктивные явления. Самое главное, что власти тоже не знают, как реагировать на происходящие перемены. Эта тема, мне кажется, заслуживает того, чтобы ее обсуждать, кроме того, необходимо поразмышлять о тех моделях или процессах, которые нас ждут в результате объективно происходящих глубоких революционных сдвигов во всей жизнедеятельности на нашей планете.

В советские времена мы говорили и даже преследовали тех, кто издавал книги на тему «план и рынок». Это подвергалось остракизму. В период перестройки тоже существовало увлечение рыночными процессами и переменами. Говорили следующее: либо рынок, либо план и плановая экономика. Однако сегодня процессы, происходящие во многих странах мира, свидетельствуют о том, что роль государства вопреки мнению ультралибералов возрастает. Согласно статистике, за прошлый век роль развитых государств мира в перераспределении национального продукта или валового внутреннего продукта возросла с 10–16 до 60 %. То есть государство все больше направляет экономический процесс. С другой стороны, без рынка нельзя обойтись. Опыт Советского Союза и целого ряда других стран свидетельствует, что рыночное решение многих проблем необходимо и рынок — неотъемлемая составляющая развития.

Сегодня в литературе дискуссия касается того, какую роль в экономической системе должно играть государство и какие сферы и области должен направлять в своем развитии рынок конкуренции и частный интерес. Многие полагают, что влияние государства должно очевидно возрастать, но вместе с тем оно должно направлять развитие рыночных отношений, иначе возникнут коррупция и другие проблемы, разлагающие общество. Я обратил внимание на то, что возрастает интерес к тому, что высказывалось еще в прошлом веке, — теории конвергенции. Происходит сближение различных экономических систем и в современном капитализме, и в том, что происходит после распада Советского Союза, в отказе от многих сторон социалистической организации производства, то есть возрастание попыток соединить рыночные отношения, командные высоты и направляющую роль государства. Споры сегодня ведутся вокруг того, какая роль отводится государству, где пределы его воздействия на экономические процессы. Это одна из проблем, которая волнует ряд ученых.

Но возникает и другая проблема. Государство должно влиять на экономические процессы, потому что без этого влияния мы будем сталкиваться и с мировыми экономическими кризисами, и со многими проблемами внутри отдельных стран. Но каким должно быть воздействие государства? Оно может быть государственной машиной, которая защищает интересы состоятельных слоев населения и которому не важно, как живет основная масса людей. Здесь возникает вопрос о социальной ориентации политики государства.

Если государство проводит политику в интересах богатой части общества, то общество не будет прочным, не сможет нормально развиваться. Проблема социальной ориентации экономической политики, как мне кажется, — одна из острейших сегодня.

Речь идет о том, чтобы человек, его способности, интеллектуальное развитие, культура играли все большую роль в экономической политике и конвергентном обществе. Сегодня когда мы говорим о конвергенции, то подразумеваем не только теоретические концепции. Целый ряд стран создает общество, в котором значительны социальная ориентация развития, роль государства. В частности, это относится к северным странам Европы, где есть бесплатная медицина и образование. Контрастно выглядит либеральная политика в России, которая стремится сделать и здравоохранение, и образование, и многие другие отрасли коммерческими, то есть подчиненными наживе. И люди от этого страдают. Германия после окончания Второй мировой войны предприняла немало усилий, чтобы придать своему развитию социальную ориентацию. Я уже не говорю о Китае, Вьетнаме и целом ряде других государств. Таким образом, конвергентная модель общественной организации становится фактом, а не исключением.

Лихачевские чтения должны помочь ответить на вопрос: как сблизить организацию общественной и экономической жизни? Сильные стороны и западной цивилизации, и той, которую мы, к сожалению, не сумели создать, — социалистические принципы, бесплатная медицина и — главное — направляющая роль государства. Мы должны думать не только о сегодняшних проблемах, но и том, как встретить будущее, к какому обществу мы должны прийти и что это будет за общество, каковы его главные характеристики и свойства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Мохажхегу Ахмадабади из Тегеранского университета.

С. М. МОХАГХЕГ АХМАДАБАДИ: — Мой доклад посвящен правам человека и национальным интересам. В настоящее время мы можем наблюдать установление законов, ограничивающих права человека. Все началось с Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН. Если мы посмотрим на ситуацию с точки зрения философии, то можно наблюдать транснациональную тенденцию. Сама идея национального суверенитета служит препятствием к соблюдению всех принятых международным сообществом прав человека. Поэтому необходимо смягчить идею суверенитета. Сторонники этой идеи полагают, что это невозможно без установления нового мирового порядка, в котором идея суверенитета будет отодвинута во имя прав человека.

Возникает следующий вопрос: как может образоваться новый мировой порядок? Прагматики, те, кто проводит политику, полагают, что вопрос о правах человека должен быть оставлен как внутреннее дело каждого государства. Принципы внешней политики уже неприменимы к правам человека.

Мы сравниваем два подхода: права человека — это либо международная сфера, либо внутренняя сфера государства. И в данном случае более важны обмен информацией и передача мыслей, чем просто философские рассуждения. Большинство ученых считают, что концепция прав человека восходит своими корнями к известному философу XVIII века Иммануилу Канту. Он возводил права человека к достоинству и откладывал установление такого миропорядка на то время, когда люди будут управлять государством, — тогда и станет величайший мир. Это единственный путь, который он обозначил, — к великому миру. Кант также писал о республиканском государстве, в котором закон определяет жизнь нации, парламенты способны гарантировать устойчивый мир. В своем докладе я подробно обсуждаю вопрос о том, каким образом можно сочетать права человека и национальные интересы в любых конфликтных ситуациях.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается наш гость из Италии профессор Винченцо делла Сала.

В. делла САЛА: — Микеланджело Буонарроти однажды сказал, что трудно понять правду, когда уже слишком поздно. Перефразируя, можно сказать, что роль науки — не открыть правду, а внести свой вклад в знания. Может быть, это знание позволит предотвратить природную катастрофу, экономические кризисы, войну. И я надеюсь, что мой скромный вклад тоже позволит расширить наши знания.

США негативно влияют на другие страны. Я хочу обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, во многих докладах обсуждается напряженность, которая наблюдается сейчас в мире, и как она согласуется с национальными интересами.

Европейский Союз можно рассматривать как модель, демонстрирующую способы улучшения этих взаимодействий. Одна из проблем, которую мы наблюдаем в модели Европейского Союза, — что там не все хорошо функционирует и в связи с этим что-то необходимо предпринимать. Нужны диалог, сотрудничество, важно знать и помнить историю. История в каком-то смысле может стать препятствием для диалога, необходимо преодолеть это препятствие, использовать историю для того, чтобы расширить диалог. Тогда мы более успешно будем справляться с международными проблемами.

Европейский Союз представляет собой модель, которая преодолевает конфликт суверенитетов с помощью общих интересов и истории. Европейский Союз вряд ли можно обсуждать, не ссылаясь на исторические факты, не учитывая историю. Тем не менее это несколько другая модель, она направлена в будущее, особенно в постисторическое будущее, к которому мы идем.

Возможно, коммерция позволит решить проблемы. В частности, Европейский Союз создает единый либеральный рынок, в котором коммерция — это процесс. Это позволит более эффективно, несмотря на все различия, взаимодействовать в рамках такого объедине-

ния. Это важный посыл для всех других, что можно развиваться в этом направлении. Тем не менее, чтобы достичь успехов, нужно учитывать и интересы других групп в историческом или географическом плане.

Частично напряженность на Украине обусловлена тем, что Европейский Союз представляет себя как нечто вне истории, преодолевшее историю, смотрящее в будущее, а Россия осталась в рамках истории. Господин Баррозу однажды сказал: «К сожалению, есть еще государства, которые по-прежнему завязли в истории». Он имел в виду Россию и Украину. Это разное видение того, как им двигаться дальше. В случае с Россией подразумеваются такие базовые ценности, как природные, энергетические ресурсы, которыми богата эта страна.

Проблема модели Европейского Союза состоит в том, что Европа — это не только царство бога коммерции. Есть и другие точки рассмотрения нашего сложного мира, в частности история, где по-прежнему возникают исторические барьеры, которые мешают торговому процессу. С одной стороны, коммерция, общие ценности, с другой — не удается полностью отказаться от национальных интересов. Различные группы имеют свои интересы и пытаются распространять их на других.

Мы живем в мире, который наполнен мифами. Мы пытаемся решить проблемы в глобальном масштабе. Наверное, необходимо создать единый миф, который будет устраивать всех или отразит общие интересы. Тогда мы сможем реально двигаться вперед по пути объединения наших интересов и преодоления сложностей, которые нас разделяют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается выдающийся российский философ академик Владислав Александрович Лекторский.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня прозвучало много интересных докладов, кратких, но содержательных. Глобальные вызовы и национальные интересы — тема очень интересная и, по-моему, одна из актуальных. Национальные интересы, интересы определенных стран, регионов всегда существовали, постоянно возникали сложные отношения между разными странами, конфликты, союзы, объединения, великие империи в истории, которые сыграли свою и положительную, и отрицательную роль, потом они распались. Взаимосвязи между странами устанавливались и 100, и 150 лет назад. Что же нового происходит сейчас? Или это продолжение того, что было?

Процесс, который назван глобализацией, возник относительно недавно, несколько десятков лет назад. Новый контекст ставит новые проблемы, и даже те проблемы, которые кажутся похожими на то, что было раньше, на самом деле приобретают иной смысл.

Что такое глобализация? Это не просто общие проблемы, которые всегда были и как-то решались или не решались, а поворотный пункт в истории человечества. Человек стоит на краю пропасти: либо он взлетит еще выше, либо упадет в пропасть. Возникла новая ситуация, которой никогда не было раньше. Прежде всего это распространение рыночных отношений на все

страны мира (транснациональные корпорации, ряд наднациональных организаций, начиная с ООН, Декларация прав человека, международное право и т. д.), а самое главное — это новые технологии, информационно-коммуникационные средства, которые сейчас охватывают весь мир и рушат условия, в которых люди жили тысячи лет. Происходит слом оснований бытия человека. Это в той или иной степени касается всех стран мира, то есть из-под ног уходит почва, на которой стоят люди.

С чем это связано? Интернет — великое открытие, которое позволяет выйти из провинциальности, локальности, приобщиться к тому, что делается во всем мире, но это одновременно, в том виде, в каком он сейчас представлен, и угроза (об этом сегодня много говорили), потому что привычные нормы поведения, способы обсуждения, способы дискуссии — все уходит в прошлое. Можно делать все что угодно, манипулировать сознанием и не нести никакой ответственности за это. Непременное условие поступка — это ответственность, то есть человек должен нести ответственность за то, что в результате получится. А в Интернете можно делать что угодно, творить под вымышленным именем, писать бог знает что. Некоторые люди считают, что Интернет означает конец литературы. Никаких фильтров не существует, цензура (как способ отсева плохого от хорошего) отменена.

Когда возникла глобализация и о ней стали писать (два-три десятилетия назад), в научной литературе высказывалось мнение, что идея национальных интересов утратила всякий смысл, это анахронизм. В частности, в России об этом писал ряд политологов: «Какие национальные интересы?! Сейчас по всему миру распространяется глобализация». Глобализация приводит к тому, что национальная культура подрывается в сущности, потому что возникает массовая культура, которая повсюду одинакова, начиная с США и заканчивая Китаем или Японией.

Глобализация в том виде, в котором она сейчас существует, в каком-то смысле неизбежна. Но в том виде, в каком она осуществляется, глобализация подрывает основы культуры, не только традиционной, которых на Востоке много (на Ближнем, Дальнем Востоке), но и европейской. Любая культура основана на том, что есть правда и ложь, есть то, что можно, и то, что нельзя делать, а если между правдой и неправдой размывается граница, что легко делать с помощью Интернета, если непонятно, что можно делать, а что нельзя, где хорошо, а где плохо, тогда можно жить как угодно. Это вызов не только традиционным, но и всем культурам, в частности европейской.

В связи с глобализацией, новыми технологиями, которые сейчас активно развиваются, обсуждается идея трансформации, проектирования человека, его мозга, психики, телесности, трансчеловека, постчеловека и т. д. Мы думаем о том, как сделать так, чтобы человек не упал в пропасть, а, наоборот, взлетел с помощью того, что уже сделано. И приходим к выводу, что опираться нужно на то, что всегда делает человека человеком, чтобы не расчеловечиться, — использовать ресурсы традиционной культуры.

Традиционная культура существует в национальных формах, развитие невозможно без национальных форм культуры, национального государства. Национальные интересы — это защита, геополитические, экономические интересы и культура вообще. Все, что создает национальную идентичность, основано на культуре. Без культуры существование нации лишается всякого смысла. Поэтому, когда мы говорим о защите национальных интересов России, речь идет о защите российской культуры, науки, искусства, чтобы она не была подменена массовой культурой и шоу-бизнесом, что сейчас происходит повсеместно.

Вопрос заключается в том, как национальные культуры должны вести себя в подобной ситуации. Они не могут не быть включенными в процесс глобализации. Значит, нужно найти способы реагирования на этот процесс, потому что изоляция, самоизоляция бессмысленна, это гибель. Найти ресурсы, ответы на те вызовы, которые сейчас возникают. Удается это или нет — вопрос открытый. Разные культуры, разные регионы в этом смысле по-разному реагируют. Один из таких безрассудных способов реакции на глобализацию — международный терроризм, это новое явление (в таком виде его не было раньше) тоже продукт глобализации.

Для того чтобы человек выжил и чтобы на вызовы глобализации можно было ответить, нужно обращаться к культуре, использовать ресурсы традиционной культуры, но адаптировать ее к тому, что происходит сейчас. Разные культуры в этом смысле могут оказаться в различном положении. И, может быть, культуры, которые нам казались традиционными, смогут найти ресурсы, ответы на эти вызовы, которые в других культурах отсутствуют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается известный американский журналист господин Томас Кент.

Т. КЕНТ: — Я хотел бы затронуть довольно узкий вопрос: может ли журналистская этика быть относительной? Существует ли международная этическая система, которая должна быть принята всеми журналистами, или это история и культура отдельной страны? Этот вопрос чрезвычайно важен в настоящее время, поскольку послания журналистов все больше пересекают международные границы. Должны ли журналисты стараться работать в соответствии с какими-либо международными нормами или писать исходя из своего национального и культурного контекста, не учитывая, как аудитория в другой части планеты будет относиться к этому материалу?

В своем докладе я обсуждаю этот вопрос в контексте одного из проектов международной организации «Online News Association» — «Do-It-Yourself Ethics Code» («Сделай сам свой этический кодекс»). Цель проекта — позволить журналистам, блогерам, журналистским организациям создавать кодексы, которые отвечают современным потребностям.

В результате двух лет работы участники проекта «Online News Association» пришли к выводу, что долж-

ны быть некоторые принципы, общие для всех журналистов. Хотя во многих вопросах честные журналисты из разных стран и принадлежащие к разным культурам могут расходиться. Среди обязательных принципов журналистов — пишите правду, исправляйте ошибки, избегайте конфликта интересов, который может нанести ущерб, в частности, корреспондентской работе. В то же время другие принципы могут отличаться в зависимости от стран и культур.

Проект помог сформулировать более 40 вопросов, по которым журналисты могут придерживаться разных мнений. Например, может ли журналист-расследователь скрывать свою личность? И должен ли он откровенно называться журналистом? Когда журналист берет интервью у официального лица, может ли он предоставлять ему заранее список вопросов, которые будет задавать? Может ли журналист называть имена людей, обвиняемых в совершении преступлений, до вынесения обвинительного приговора? Особенно в цифровом журналистском пространстве (Михаил Соломонович об этом знает) все чаще возникают новые этические проблемы. В каких условиях новостные организации будут удалять статьи и фотографии из своих онлайн-архивов? Как проверить подлинность фотографий и видео, которые появляются в Интернете? Этические кодексы будут отличаться у разных журналистских организаций. У моего агентства «Ассошиэйтед Пресс» есть свой этический кодекс, конкретный и неотносительный.

Любая журналистская организация должна тщательно обдумывать свой этический кодекс, обеспечивать его соблюдение и четко излагать свое мнение читателю. Общество имеет право быть в курсе этических убеждений тех, кто готовит новости, которые оно читает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Чжан Дюнь Юн.

ЧЖАН ДЮНЬ ЮН: — Я представляю Национальный университет путей сообщения (Китайская Народная Республика). В своей деятельности мы пытаемся улучшить функционирование и транспортную инфраструктуру. Кроме того, мы реализуем проект так называемого Шелкового пути с целью улучшения сообщения между нашей страной и Европейским Союзом. Китай имеет довольно разветвленную сеть скоростных железных дорог, стремится обеспечить более быстрый способ путешествий по суше. Россия и Китай могли бы расширить свое добрососедское сотрудничество в этой области, если ваша страна будет активно участвовать в этой программе.

В 2013 году президенты Китайской Народной Республики и Российской Федерации встречались шесть раз, что редко бывает в дипломатической практике. Китайский президент Си Цзиньпин также приезжал в Москву для участия в праздновании 70-летия Победы.

Начиная с 2000 года Китай и Россия стараются полностью закрыть вопросы, связанные со спорными приграничными территориями. Китай и Россия понимают, что если между странами установится мир и сложатся

добрососедские отношения, сотрудничество, обе страны выиграют от этого, поскольку получают значительный стимул для развития, основывая сотрудничество на экономических интересах. У наших стран взаимодополняющие экономики: Китаю нужны природные ресурсы, Россия богата ими, поэтому обе страны могли бы выиграть от расширения сотрудничества.

После того как распался Советский Союз, в Центральной Азии образовалось несколько независимых государств. Но не все из них эффективно развиваются. Проект «Шелковый путь», разрабатываемый в нашем университете, призван помочь развитию этих стран. Этот проект, помимо того что он соединит Китай с Европейским Союзом, как сказал господин Си Цзиньпин, должен охватить и центрально-азиатские республики (которые тоже могли бы получить выгоду и активно участвовать в этом проекте). Университет предоставляет платформы для обсуждения, изучения новых идей, дополнительных наработок в рамках данного проекта. Мы стараемся разрешить существующие открытые конфликты на всей протяженности «Шелкового пути». Для этого необходимо образовать ряд центров вдоль этого пути и дополнительно оснастить их, обучить людей, которые будут обеспечивать их функционирование, улучшить коммуникации между ними.

Такой экономический проект позволит решить много других проблем, напрямую с ним не связанных. В частности, он активизирует интерес к изучению русского языка. В Китае все больше людей изучают русский язык, и русские студенты проявляют большой интерес к китайскому языку. Это один из примеров того, как в нашей совместной деятельности конкретный проект способствует развитию разных отраслей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется замечательному российскому журналисту Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ¹: — В своем выступлении я в первую очередь отреагирую на то, что услышал здесь. Итальянский коллега сказал, что, может быть, нужно выработать единую мифологию и по ней всем жить непротиворечиво. Единую мифологию уже давно и активно вырабатывает телевидение. Я против того, чтобы существовала единая мировая и даже единая европейская идеология или мифология, ибо ясно, кем она создается и кому она навязывается — всем остальным, в том числе и России. Именно поэтому я отношусь к тем, кто (вопреки мнению Генри Резника) выступает за выход России из Совета Европы. А телевидение в этом смысле особенно важно, ибо оно по-прежнему остается самым мощным и влиятельным СМИ. Интернет не вытеснит телевидение, поскольку способ рас-

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: Взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

пространения информации, сигнала — не самое важное. Важно, что передается, то есть тексты и «картинка». А они создаются как раз телевизионщиками и по законам телевидения.

Современные глобальные вызовы и национальные интересы — так звучит тема Лихачевских чтений. Национальные интересы — довольно двусмысленный термин. Если понимать национальные интересы как интересы разных стран, то одним из главных глобальных вызовов современности являются национальные интересы некоторых других стран (во всяком случае в той трактовке, в которой они эти интересы истолковывают). В первую очередь это относится к национальным интересам США, которые почему-то обнаруживаются в любом уголке мира. Или, например, национальные интересы Канады, маленького по численности населения государства. Какие «свои национальные интересы» имеет это государство в Европе? Абсолютно никаких, но тем не менее Канада входит в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Или обратная ситуация: каким образом Северная Корея угрожает национальным интересам любой западноевропейской страны? Никак. Однако они почему-то регулярно говорят об опасности, исходящей от Северной Кореи. Я, разумеется, не говорю, что в Северной Корее все замечательно и мне нравится тот политический режим, который там царит. Однако если кого это и затрагивает, то только самих корейцев, Южную Корею, пограничные страны, но уж никак не Западную Европу. И речь по существу идет о том, что западные страны взяли себе за правило вмешиваться в чужие дела, а все остальные почему-то это терпят на протяжении уже десятков лет.

Кроме того, я хотел сказать несколько слов о неравенстве стран. Солидарен со многими положениями, высказанными Петром Дуткевичем, о государственном суверенитете и т. д. Надо прямо признать, что наблюдается абсолютное неравенство стран при многократном повторении того, что все страны равны. В ООН входят уже около или чуть более 200 стран. В такой ситуации всегда возникает иерархия, ибо совершенно исключено, чтобы при таком количестве формально суверенных стран все они были реально равны и равноправны. Но если бы эта иерархия учитывалась, была бы официальной (своеобразный табель о рангах), это было бы честно. И декларациями о равенстве не прикрывалось бы реальное неравенство, а точнее говоря, подчиненность одних другим.

Меня в этом смысле не устраивает ООН, хотя я понимаю ее важность для России до того момента, пока не будет найдена новая модель универсальной международной организации.

Кстати, якобы равенство всех формально суверенных стран, в том числе и членов ООН, не мешает, например, США составлять свой табель о рангах и объявлять одни страны «цивилизованными» и добропорядочными, а другие нанизывать на «ось зла».

Я, кстати, тоже считаю, что существуют «вредные» страны. И в первую очередь это те, которые распространяют свои законы и нравы на других или прямо

вмешиваются во внутренние дела и конфликты в других странах, в том числе и непосредственно вооруженным путем. Когда громко жужжащие и больно кусающие насекомые летают далеко от тебя, тебе все равно, есть они или нет. Но ты понимаешь, что они нужны для сохранения биологического разнообразия мира. А вот когда эти насекомые начинают проникать в твой дом, это уже вредные насекомые.

Я представляю такую идеальную ситуацию: раз в году коллективное собрание ученых мужей, например академиков, из разных стран составляет список стран, проводящих вредную по отношению к другим политику. Это было бы полезно, кстати, и для журналистов. Меня всегда умиляет, когда журналисты в своих хартиях (я сам профессиональный журналист и по образованию, и по роду деятельности) на сходке человек в тысячу после долгих дискуссий приходят в конце концов к выводу о том, что надо писать правду. Меня этому мама учила в детстве, даже когда не подозревала, что я буду журналистом.

Мы сегодня время от времени упоминали о войнах. С одной стороны, никто не признается в любви к войне, с другой — никто даже гипотетически не ставит вопрос о том, нужны войны или нет. Между тем история человечества — это история войн. И надо думать, это не случайно. Я считаю, что половина конфликтов, которые происходят на Земле, развязана посторонними лицами, в частности теми, кто сует свой нос в дела других стран. И этих войн можно было бы избежать. Но другой половине военных конфликтов лучше дать произойти и завершиться чьей-либо победой. Некоторые войны быстрее и с меньшими жертвами разрешают проблемы, чем это случается тогда, когда в их разрешение вмешиваются доброхоты, в частности из Европы, которая, между прочим, и разожгла все мировые войны, известные человечеству. И вот внуки этих поджигателей мировых войн учат остальную мир, как нужно бороться против войны.

Интересно было бы провести конференцию на тему, можно ли изжить войны вообще. Война есть предельная стадия кризиса, которого не избежать. Но нужно ли все войны относить к числу плохих и тем самым ставить перед собой задачи, которые в принципе нерешаемы? В своих, часто ложных, пацифизме и миролюбии современные государства, в первую очередь западные, поскольку они самые мощные и самые вооруженные, лицемерно минимизируют свое военное вмешательство с помощью государственных армий, но максимизируют с помощью частных армий. Еще один пример лицемерия под маской благочиния. В настоящее время Запад уже возродил фактически средневековые частные армии, действуя их руками при формальном невмешательстве или даже «миротворчестве».

Всеми этими реальными и честно поставленными проблемами и нужно заниматься тем, кто озабочен вызовами, брошенными миру (во всех смыслах этого слова) нашим временем, а точнее и чаще всего — конкретными субъектами мировой политики.

Я против ханжества и лицемерия при описании, освещении и анализе международных событий. Понимаю, что трудно призывать мужчин, готовящихся пой-

ти в стриптиз, к моральному поведению, — я имею в виду мировое сообщество, которое привыкло жить таким образом. Тем не менее нужно хотя бы теоретически однажды попытаться честно обсудить некоторые проблемы и глобальные вызовы и тех, кто эти проблемы создает и эти вызовы бросает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Ваше выступление должно быть осмыслено. На трибуну приглашается профессор Каирского университета госпожа Нурхан Эль-Шейх.

Н. эль-ШЕЙХ: — Нас очень интересует тема, которая обсуждается на Лихачевских чтениях. В настоящее время мы можем говорить о противоречии или конфликте интересов, а не цивилизаций — так мы понимаем возникшую сегодня напряженность. Конфликт интересов вызван американской стратегией, которая базируется на трех столпах.

Первый столп — США хотят контролировать все энергетические ресурсы, их перемещение и выйти на все энергетические рынки в качестве основного конкурента. Это проявляется и в наращивании их присутствия в Каспийском море, на Ближнем Востоке, даже на юге Китая — в Южно-Китайском море, куда они собираются прийти.

Второй столп — с точки зрения Америки интересы оправдывают многие конфликты, включая конфликт на Ближнем Востоке, откуда я приехала. Возможно, некоторые могут объяснить этими причинами и то, что произошло на Украине, поскольку там они расширяются на восток Европы. Своего рода это расширение американского доминирования, в частности военного. Этот процесс также предполагает создание дополнительного ракетного щита, который направлен, в частности, против России. Все это создает дилемму безопасности. Они стараются увеличить свою мощь, силу, но другие страны в противодействии должны также повышать свою обороноспособность.

Третий столп — это продвижение демократии (в понимании США) и прав человека. Этот лозунг они продвигают, в частности, используя технологии цветных революций. «Арабская весна» охватила ряд арабских стран. Эти революции были призваны защищать права человека, демократию, но уже разрушили три страны в арабском мире: Ливию, Сирию и Иорданию. Они мешают нам отстаивать наше основное право — жить и развиваться в мире. Более 2 млн иракцев погибли в результате военного вторжения. Я не думаю, что это было сделано с целью защиты прав человека.

Наконец, в глобальном плане стратегия, которую продвигают США, приводит к разделению мира на два лагеря. Одна группа стран согласна с подходом, что США помогают им, поэтому не возражают против их гегемонии. Другая группа государств продолжает сопротивляться, будучи несогласной с таким доминированием, они хотят жить в мире для всех. Защищая свои национальные интересы, свою культуру, Россия, Китай и многие другие страны стараются отстаивать свои интересы, несмотря на очевидное давление. Мы должны позволить развиваться нашему народу и населению со-

седних стран так, как они хотят, а не как им диктуют из-за океана. Мы должны создать такую систему, которая позволит развиваться всем. Поэтому участие в данном форуме представляется очень важным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Ежи Вятру.

Е. Й. ВЯТР: — Прежде всего я хочу сказать, что счастлив находиться в России в дни празднования Великой Победы, считаю это нравственной обязанностью. Мы, поляки и россияне, живем в особый период нашей общей истории. Впервые на протяжении многих столетий между Польшей и Россией нет конфликтов национальных интересов, и я хотел бы это подчеркнуть. В интересах Польши иметь хорошие стабильные отношения с Российской Федерацией, поэтому мы должны восстановить их.

Второй момент, напрямую связанный с темой нашей конференции, касается национальных интересов. Национальные интересы приводят к конфликтам: то, что входит в интересы одной нации, необязательно находится в пределах интересов другой страны. Это естественный закон международной политики. Такого рода конфликты могут быть разрешены на основе компромиссов.

Единственный способ выйти из кризиса на Украине, о чем уже говорилось и в польских, и в российских источниках, — прийти к компромиссу. Если кто-то полагает, что одна страна может навязать свою волю другой, то это наивная и опасная точка зрения.

Взаимоотношения, основанные на национальных интересах, сложны, но это гораздо лучше, чем идеологические конфликты, которые мы наблюдали раньше. Идеологические конфликты во времена холодной войны были фундаментально важны. Президент США Джордж Буш говорил, что это была борьба за души человечества. И в данном случае уже трудно прийти к согласию и примирение невозможно. Холодная война завершилась глубокой переоценкой и пересмотром идей, еще до того как лидером стал президент Горбачев (я считаю, что президент Горбачев за это заслуживает Нобелевскую премию).

Существует одна форма преследования национальных интересов, которая очень опасна, — установление мира гегемонии. Это означает, что одно государство может диктовать свою волю любому другому, что глубоко противоречит национальным и общим интересам. Я оптимист, поэтому надеюсь, что гегемонистские тенденции не победят.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону нашего гостя из Вашингтона господина Ахмада Иравани.

А. ИРАВАНИ: — Я хотел бы поблагодарить всех, кто организовал эту конференцию, в частности Александра Сергеевича и его коллег. Разумно предложить человеку, занимающемуся религией, выступить в конце пленарного заседания (поскольку такие люди накапливают знания, пытаются проанализировать их и вынести уроки).

В своем выступлении я хочу затронуть тему национальных интересов, которые представляют собой вызов и ставятся под сомнения. Концепция национальных интересов является источником противоречий с тех пор, как она стала популярной. Понятие «национальные интересы» перестало определять цели внешней политики государства. Существуют разные трактовки этого понятия.

В течение XX века менялись ситуация, внешняя политика государств. Необходимо учитывать глобальные трансформации последних двух десятилетий, которые полностью изменили картину мира. Например, появление новых действующих лиц, которые требуют идентификации как участники процесса, пытаются представить свои национальные интересы, особенно это характерно для Ближнего Востока и Африки, где возникают новые явления и движения. Все это представляет развитие понятия «национальные интересы». Это новый уровень сложной картины современного мира. Новые центры считают, что должны отстаивать свои интересы. Мы занимаемся изучением вопросов, как религия стала важной составляющей, во многом определяет теперь национальную политику, в частности внешнюю политику различных государств, какую роль она играет и что нужно учитывать в связи с этим.

В моем докладе дается определение концепции национального интереса. Все определения этого понятия являются традиционными, но они различаются, потому что в разной степени учитывают новшества, изменения, которые происходят на международной арене. Также описываются четыре основных вызова, которые стоят перед нами и касаются национальных интересов. Во-первых, речь идет об эрозии территориальных границ государства, национальном, наднациональном и сверхнациональном уровнях власти. Во-вторых, сегодня мы живем в информационную эпоху, которая отличается по скорости и объему обмена информацией, используются новые технологии. В-третьих, климатические изменения также влияют на эту проблематику и представляют своего рода вызов. В-четвертых, развитие экстремизма в разных частях мира влияет на все остальные аспекты. Этот феномен уже не ограничивается конкретной страной или регионом и пересекает границы, он расширяется в своем влиянии и охватывает все больше стран. Также терроризм приводит к возникновению новых войн, расширяет военное противодействие целого ряда стран и влияет на другие вызовы.

Терроризм в последнее время представляет собой серьезную угрозу и вызов, поскольку террористические атаки, которые мы наблюдали, уже не единичны, а цикличны. Это делается, как заявляют инициаторы терактов, в интересах религии, отстаивания религиозных взглядов. И те, кто участвует в терроризме, пытаются подвести под это идеологическую основу, которая позволит им оправдать жесткие методы воздействия.

В докладе я также пытаюсь осмыслить новый источник конфликта: как можно использовать религию — как источник конфликта или мира, чтобы предотвратить проявления терроризма и оправдать тем самым

исламские страны и сообщества. Я желаю великой России процветания, мира и успехов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Лейтмотив сегодняшних выступлений — сочетание глобального и локального. Я хотел бы сосредоточить ваше внимание на одном эффекте, в котором глобальная тенденция, наблюдаемая сейчас в развитых западных странах, на мой взгляд, не совпадает с тенденцией, которая распространена в России. Многие западные страны, субъекты экономики, организации изменили направление своей деятельности в сторону, отходящую от непосредственных целей коммерциализации. Возникло огромное число явлений, которые противоречат целям коммерциализации (я не говорю о волонтерстве, краудсорсинге или о том, что крупнейшие владельцы состояний, заработанных честным путем, отдают их на благотворительность, а не на свою семью), например санкции против идейных противников. Наблюдение за этим процессом позволяет сделать вывод о том, что экономики западного мира отходят от коммерциализации и склоняются к некоммерческому результату.

Что происходит в России? В нашей стране процесс пока идет в обратном направлении. Переходя в 1990-х годах к рыночной экономике, мы поставили коммерциализацию в центр. Вокруг этого центра и продолжают вращаться наша экономическая практика и экономическая теория. Деньги как процесс — исходная точка и результат. Такая точка зрения на экономику, как мне кажется, должна быть преодолена.

И в этом аспекте совпадение глобальной и локальной тенденций является желательным. Теоретическим основанием для этого является мониторинг — теория, согласно которой и фактор, и результат измеряются деньгами, что позволяет сопоставлять разные вещи. Это очень удобно и стало причиной формирования многих моделей, теорий и практических рекомендаций.

Что можно противопоставить или, точнее, что может отчасти заменить мониторинг? В поисках этого направления науки обращается, тем более в стенах этого Университета, к культурологии. У меня есть мечта (и мне кажется, что она не так уж далека от воплощения) — чтобы культурология стала средством измерения результатов труда. Не цена как количественное коммерческое выражение, а ценность. Этот сложный вопрос не решается просто голосованием, рынком. Но в сочетании таких явлений, как общество, государство, хозяйствующие субъекты и другие участники экономической деятельности, мы можем рассчитывать на то, что культурология станет тем самым фундаментом, на котором будет построена и новая экономическая теория, и новая экономическая практика. Я надеюсь, что здесь, где неоднократно выступали выдающиеся мыслители, произойдет рождение новой экономической теории — культурономики, которая соединяет культурологию и экономику.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, пленарное заседание подошло к своему завершению. Завтра дискуссии продолжатся: мы, лучше узнав наши позиции, будем дискутировать на секционных заседаниях. Думаю, что это будет способствовать успеху Лихачевских чтений. Спасибо!